

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА

МАГИНЯ

Академия высокого
искусства

Annotation

Айра — самая необычная адептка в Академии высокого искусства. Не только потому, что умудрилась поладить со смертоносным игольником и в короткие сроки обогнать сверстников по уровню знаний, но и из-за дружбы с самым настоящим метаморфом. В качестве персонального учителя у нее теперь числится древний призрак. Лучшими друзьями для нее являются растения и животные. Но даже это не способно смягчить ненавидящего ее боевого мага. И Айре еще не раз придется убедиться, что такие, как Викран дер Соллен, никогда не меняют своих решений.

Александра Лисина
Магиня

Новое утро началось для Вэйра со звука шагов, эхом отдающихся в тяжелой голове, ведра холодной воды, без предупреждения выплеснутой сверху, и хриплого голоса, возвещающего о начале нового дня:

— Поднимайте свои задницы, уроды!

Почти сразу послышались свист раскручиваемого хлыста, звонкий щелчок и чей-то сдавленный стон.

— Хватит валяться! За работу!

Юноша скрипнул зубами и поспешил подняться с мокрых досок, пока охочий до развлечений надсмотрщик не обратил на него внимания и не располосовал спину, как тем бедолагам, которым не повезло вызвать его интерес чуть раньше.

— Вставай, падаль! — рявкнул все тот же хриплый голос, а следом донеслись новый свист и еще один смачный удар, оборвавшийся болезненным вскриком. — Думаешь, тебя кто-то ждать будет?!

— Не надо... пожалуйста... — умоляюще пролепетал кто-то, корчась от боли и пытаясь подняться.

— Что?! Не слышу!

— Н-не бейте... п-пожалуйста... я уже... уже встал! Только не надо больше бить!

— Я тебя ща за яйца подвешу, ублюдок! — заорал надсмотрщик, явно примериваясь для третьего удара. Но потом отчего-то передумал и, судя по звуку, просто пнул несчастного в живот. — Живо на весла, тварь, если не хочешь попасть в трюм к остальным!

Кинув ненавидящий взгляд на закованные в кандалы ноги, от которых тянулась толстая цепь к металлическому кольцу в палубе, Вэйр покосился по сторонам, где точно так же, как он, поднимались с пола уставшие, изможденные люди. И одним из первых занял место на скамье, торопясь успеть до того, как до него дойдет хрипатый верзила с кнутом.

Почти сразу юноша согнулся над тяжелым веслом, привычно опустив голову и спрятав взгляд. А затем выжидательно замер, прислушиваясь к суетливому копошению на соседних скамьях, болезненным вскрикам тех, кому не повезло сегодня получить плетей, и грязной ругани надсмотрщика, с которой теперь начинался каждый новый день.

О том, как его угораздило попасть в такой переплет, Вэйр старался лишний раз не думать. Потому что, когда его мысли возвращались к сомнительному, расположенному на отшибе какой-то деревушки трактиру, где неделю назад он рискнул попросить ночлега, внутри снова все переворачивалось от бессильной ярости.

Наверное, в тот день Вэйр просто устал. Или же победа над грабителями вскружила ему голову. Увы, он совсем не насторожился при виде угодливого выражения на морде трактирщика, когда тот поставил перед припозднившимся гостем дымящуюся миску с кашей. Не удивился, ощутив необычный привкус поданного им же эля. Не беспокоился, заметив загадочные ухмылки немногочисленных постояльцев. И не встревожился из-за внезапно навалившейся сонливости, к которой примешивалась легкая тошнота.

Он еще помнил, как поднимался по отчаянно скрипящей лестнице, смутно удивляясь тому, что с трудом переставляет ноги. Помнил покрытые паутиной стены, которые с каждым шагом сдвигались все теснее и теснее. Внезапный туман, в какой-то момент окутавший мысли и заставивший покачнуться возле обшарпанной двери. А потом что-то с силой

ударило его по голове, и мысли заволокла непроглядная тьма.

Очнулся Вэйр только к вечеру следующего дня — крепко связанный, надежно обездвиженный и раздетый почти донага. В каком-то вонючем сарае, где из удобств имелась лишь куча перепрелой соломы да отодвинутое в дальний угол ржавое ведро, откуда несло застарелой мочой, блевотиной и почему-то — горелой плотью.

Все его вещи, включая отцовский нож и далеко не новые сапоги, бесследно исчезли. На щиколотках появились массивные кандалы. Перед глазами все плыло, мысли беспрестанно путались, к горлу то и дело подкатывала тошнота, а на затылке успела набухнуть огромная шишка.

Но, что самое главное, в сарае Вэйр находился не один — неподалеку сидели и безучастно лежали несколько крепко связанных мужиков со следами побоев на теле и довольно крепкий, но отчаянно трусивший паренек, которому, наверное, не исполнилось еще и пятнадцати. И который, вместо того чтобы откликнуться на вполне закономерный вопрос Вэйра, даже не пошевелился. Как сидел в углу, тихонько подвывая от страха, так и остался сидеть.

Немного позже Вэйр узнал, что разговоры между пленниками были строго запрещены: за нарушение этого правила похитители могли запросто всыпать болтунам плетей, а некоторых, особенно буйных или строптивых, наказывали так жестоко, что незнакомый парнишка слегка тронулся умом. И теперь только иступленно шептал что-то себе под нос, отчаянно отвергая любую попытку заговорить.

В сарае Вэйр провел два дня и за это время сумел-таки выяснить у испуганных соседей, к кому именно попал в плен. Поначалу, правда, услышанное показалось ему бредом, потому что рабство было строжайше запрещено во всех четырех королевствах, но факты говорили сами за себя. В том числе и то, что схватившие его люди слишком уж уверенно чувствовали себя в этих краях. Никого не боялись, действовали дерзко, нагло похищая путников даже на оживленных трактах, и совершенно не беспокоились, что кого-то из них могут начать искать.

Самих похитителей Вэйр почти не видел — они приходили всего трижды: один раз — чтобы бросить пленникам краюху черствого хлеба и оставить воду в баклажке; второй — когда втолкнули в сарай еще двух человек, одурманенных каким-то пойлом. И, наконец, третий, когда к вечеру второго дня притащили совсем уж немощного старика, которого даже тронуть было страшно — настолько он был худ.

С пленниками никто из них не разговаривал. За любую попытку подать голос били. За малейший намек на сопротивление колотили так, что у несчастных потом отнимались ноги и напрочь отшибало желание возмущаться.

Даже у Вэйра комок застрял в горле, когда один из новеньких, который, едва придя в себя, принялся орать и требовать справедливости, был мгновенно и с невероятной жестокостью наказан. Двое верзил, заглянувшие на крик в сарай, без лишних церемоний отколошматили пленника так, что тот буквально захлебнулся криком, после чего ему отрезали два пальца на левой руке, а затем лишили уха.

В назидание, как они пояснили с ухмылками.

А второго, который рискнул в это время подползти со спины и попытался выхватить из-за пояса у одного из тюремщиков нож, сперва избили, а когда тот, яростно взревев, прыгнул на одного из похитителей, без лишних церемоний оскостили. Не обращая внимания на отчаянное сопротивление бешено вырывающегося мужчины, его дикий крик, быстро перешедший в звериный вой, и обильное кровотечение, которое они так же умело и до

отвращения привычно остановили обычным прижиганием.

После чего отшвырнули прочь потерявшего сознание мужчину, брезгливо отряхнули руки, широко ухмыльнулись при виде совершенно белых лиц остальных пленников. И ушли, небрежно обронив напоследок, что такая же участь постигнет любого, кто окажется недостаточно понятлив.

После такой показательной расправы в сарае царила гробовая тишина даже тогда, когда похитителей не было рядом. Вэйр молча бесился и бессильно метался взглядом по хлипким стенам тюрьмы, но поделаться ничего не мог: кандалы на него надевали люди, которые знали толк в этом деле. Сыну кузнеца не потребовалось много времени, чтобы это осознать. А раз так, то ни убежать, ни оказать достойного сопротивления он при всем желании не мог.

Единственное, что ему оставалось, это терпеливо выждать подходящего момента: для бегства или удачного нападения и последующего бегства... он искренне надеялся на то, что сумеет отыскать выход из этой западни. Однако похитители все время были настороже. По одному в сарай никогда не заходили, спиной к пленникам не поворачивались. А когда в одну из ночей растолкали измученных людей, заставив их выбраться на улицу, и повели через лес к берегу одного из притоков Арги, то заранее пропустили между кандалами длинную цепь, которая полностью исключала возможность бегства.

Вэйр чуть не взвыл, обнаружив, что на берегу их уже ждали лодки.

С отчаянием оглядевшись, он сразу понял, что дорога назад надежно отрезана. Отчего замешкался и едва не сорвался, когда его бесцеремонно ткнули копьем в спину. И лишь вспомнив о том, что просто обязан вернуться домой живым, с трудом, но смирил кипящее внутри бешенство. Заставил себя сидеть тихо. После чего покорно, пряча горящий злым огнем взгляд, взошел на ожидающий похитителей корабль, на котором новую партию пленников уже ждали с нетерпением. И вот уже несколько дней терпеливо сносил издевательства, побои и отвратительную кормежку. Ночевал на полу, рядом со скамьей, прикованный к тяжелому металлическому кольцу. А днем ворочал тяжелое весло, с трудом дожидаясь момента, когда надсмотрщики разрешат его бросить.

— Внимание, сброд! — внезапно разнесся над палубой чей-то зычный, уверенный голос, отвлекая Вэйра от тяжелых воспоминаний. А следом послышались тяжелые шаги, и между лавками кто-то прошел, красуясь новенькими, начищенными до блеска сапогами. — С этого момента вы больше не люди, не господа и даже не леры, если, конечно, таковые среди вас имелись...

Неподалеку кто-то негромко гоготнул, но тут же осекся, не смея перебивать начальство.

— Отныне вы — сброд. Рабы. Моя личная собственность и самый обычный товар, обязанный приносить мне прибыль.

Вэйр поднял горящий взгляд и с ненавистью уставился на хозяина щегольских сапог. Им оказался крепкий, хорошо сложенный мужчина с утонченными, если не сказать аристократическими чертами лица. С темными, слегка волнистыми, доходящими до плеч волосами, небрежно подвязанными шелковым шнурком; гордым, прямым носом, тонкими губами и недобро прищуренными глазами, в которых плескалось непередаваемое презрение. На владельце судна были надеты широкополая шляпа, роскошный камзол и тонкой выделки штаны, заправленные в высокие голенища.

Рядом с ним криво ухмылялся еще один тип — смуглокожий, бритоголовый, насмешливо щерящий изрядно прореженные зубы и вертящий в руках толстый кнут. Волосатая грудь верзилы была умышленно выставлена на всеобщее обозрение, хорошо развитые мышцы сыто

гуляли под темной от загара кожей, а на пряжке тяжелого ремня воинственно скалила зубы какая-то неведомая тварь.

— Мое имя Кратт, — кратко представился холеный господин. — В здешних местах меня еще зовут Угрем. Но для вас я просто хозяин.

По палубе пронесся многоголосый стон, заслышав который Кратт криво усмехнулся — ему было приятно видеть, что его слава велика и вполне заслуженно пугает этих полудохлых креветок. Правда, прозвище ему подходило — он действительно напоминал скользкого и верткого, как угорь, хищника.

Вэйр до боли сжал зубы, чтобы не сорваться на крик: об этом Угре он кое-что слышал дорогой. Да и как не услышать, если о его бесчинствах говорили буквально на каждом углу?

Ходили слухи, что когда-то Кратт был настоящим пиратом. Причем таким, что его сторонились даже такие же, как он, морские волки. Он не боялся никого и ничего. И нападал даже на те суда, что шли под приличной охраной. За исключением, быть может, только эльфийских кораблей.

Хотя, как шепталась молва, однажды он все-таки не утерпел и, уверовав в благосклонность госпожи Удачи, рискнул связаться с эльфами. Правда, были ли то действительно остроухие, никто не знал. Однако с тех самых пор его «Красотка» обзавелась неплохим магом, заимела на корме мощный самострел и, что самое необычное, стала чуть ли не в три раза быстрее, чем раньше.

Купцы, прознав про это, совсем уж было отказались пускать свои товары морем, но Угорь ни с того ни с сего решил отойти от обычного разбоя и занялся работоторговлей.

— Предупреждаю сразу: сбежать отсюда вам не удастся, — сухо сообщил невольникам Угорь. — За любую попытку сопротивления вы будете наказаны. Убивать вас, конечно, невыгодно, но не сомневайтесь: существует немало способов добиться вашей покорности. Поэтому трижды подумайте, прежде чем поднимать свои головы от весел, и не надейтесь, что у моих людей осталась хоть капля жалости.

Вэйр зло поджал губы.

— Вы — ничто, — ровно повторил Кратт, хищным взглядом пробежавшись по лицам рабов. — Отмывать, лечить и трястись над вами никто не будет. От нас требуется лишь до поры до времени сохранить ваши жизни и... кости. Не больше. Поэтому за малейшееслушание Зег выбьет из вас дух и быстро докажет, что слов на ветер мы не бросаем.

Стоящий рядом с хозяином верзила кровожадно ухмыльнулся. И так выразительно погладил кнутовище, что у многих побледнели лица.

— Разумеется, кто-то из вас все равно попытается, — так же бесстрастно обронил Угорь. — Это объяснимо и вполне предсказуемо. Но хочу вас уверить — мои люди не первый день занимаются своим делом и готовы ко всему.

— Вы не посмеете! — донесся до Вэйра срывающийся от ярости голос с другого конца палубы. Кажется, кто-то из молодых рабов не выдержал. — Меня зовут Нойр Овер ар Делос. Мой отец — наместник в Зирте!

— Да хоть сам король.

— Вы пожалеете!

— Зег, будь так добр...

Вэйр только вздрогнул, когда над его головой ядовитой змеей мелькнул кончик кнута. Потом донесся звонкий щелчок, отвратительный чавкающий звук, закончившийся испуганным вскриком рабов, а затем изувеченный юнец со стоном рухнул на колени,

закрывая руками окровавленное лицо.

— Сын наместника, говоришь? — с насмешкой переспросил Кратт, следя за сжавшимся в комок парнишкой, между пальцами которого потекло что-то вязкое. — Привык к роскоши, да? Что ж, пора отвыкать... теперь у тебя только один глаз, мальчик. И рабу такой роскоши вполне хватит.

Вэйр осторожно покосился на всхлипывающего юношу и сжал челюсти. Но поделаться тут ничего было нельзя: он уже видел, насколько жестоки эти люди и ничуть не сомневался, что парню еще повезло — могли ведь и евнухом сделать, как того мужчину в сарае. А могли изувечить еще сильнее, дабы остальные сразу даже думать не смели о сопротивлении.

Да, надо признать, запугивать эти твари умели хорошо... рабы послушно уткнули глаза в землю, стараясь не смотреть на плачущего от боли мальчишку. Некоторые даже пригнулись, чтобы стать как можно более незаметными. И это — самые сильные, здоровые, крепкие, кому повезло не тухнуть в трюме с увечными и больными. Самые выносливые, кто был способен часами управляться с тяжелыми веслами, заставляя корабль подниматься вверх по реке. И те, кто так же, как Вэйр, имели крохотный шанс протянуть немного дольше, чем остальные рабы. Потому что чуть лучше питались, потому что Кратт велел беречь гребцов, потому что пили чуть больше воды, могли не справлять нужду под себя и хотя бы изредка, но попадали под дождь.

Вэйр с горечью подумал, что, видимо, искры Всевышнего в этих людях уже не осталось. Большинство из них уже не один месяц находятся на судне. Наверняка видели гораздо больше, чем Вэйр за несколько дней рабства. И, кажется, уже потеряли надежду. И именно это, пожалуй, было самым худшим в их положении.

Поддавив тяжелый вздох, юноша покосился на второй ряд скамеек, расположенных с другой стороны прохода, и неожиданно перехватил цепкий взгляд одного из невольников, сидящего возле противоположного борта. Мужчина был гол, как все остальные, совершенно лыс, почти так же смуглокож, как Зег. На его правом виске запеклась тонкая корочка крови, от которой к уху тянулся еще не заживший шрам. Широкий нос был сломан в двух местах, губы разбиты, но в темных глазах светились воля, упрямство и неожиданное сочувствие.

Поняв, что юноша его заметил, мужчина едва заметно наклонил голову и тут же отвел взгляд, снова уставившись под ноги. Вэйр, последовав его примеру, мысленно воспрял духом и с громко колотящимся сердцем подумал о том, что непременно должен найти способ с ним поговорить.

Необычный сосед неожиданно напомнил ему загнанного в угол волка — матерого, свирепого, благоразумно берегущего силы и терпеливо ожидающего, пока кто-то из его пленителей совершит ошибку.

— Прекрасно, — тонко улыбнулся Угорь, не услышав от рабов ни единого звука. — Зег, они все твои. Вздумают шалить — накажешь. Будут хорошими — накормишь. Безглазого сопляка — в трюм; он для нас бесполезен. И спускайте весла: до устья еще далеко, а мне бы не хотелось задерживаться.

Зег бодро кивнул, а затем рывкнул что-то неразборчивое. После чего по палубе заметались поджарые воины. Хрипло просигналил невидимый рожок. Зашелестели тугие тросы, загудели канаты. Наконец хлопнули и принялись неохотно расправляться тяжелые паруса, а затем корабль медленно тронулся с места.

Угорь не стал дожидаться, пока его люди закончат работу, — позволив себе скупую усмешку, он развернулся и направился на мостик, где его ожидал закутанный в черную

мантию маг, лицо которого было скрыто капюшоном. Какое-то время наблюдал за суетой внизу, а затем повернулся к молчаливому чародею и почти весело спросил:

— Последняя ходка... как считаешь: на этот раз хозяина порадует наш улов?

Этот вечер не предвещал никаких сложностей — занятия прошли так же, как и всегда, преподаватели ничем не выказывали своего беспокойства, никто не заговаривал о случившемся и не комментировал осторожные расспросы взбудораженных учеников.

Казалось, не произошло ничего необычного, никто не умер, не покалечился, не натворил ничего странного. Жизнь шла своим чередом и ничуть не собиралась меняться. Поэтому обитательницы восточного крыла изрядно удивились, когда в один из вечеров по коридору разнесся внеочередной удар гонга, а следом за ним в холле появились три мрачные фигуры.

У девушек, как раз собиравшихся разойтись по комнатам, удивленно округлились глаза, когда через арку прошел мастер Викран дер Соллен собственной персоной. Следом за ним появился лер Мергэ де Сигон, а последней зашла дородная дама с тяжелым, слегка обрюзгшим лицом, напряженно поднятыми плечами и совершенно несчастным видом.

— Где она жила? — отрывисто спросил боевой маг, остановившись в центре просторного холла и уставившись на вздрогнувших от нехорошего предчувствия девушек.

Арранта невольно отступила в сторонку, совершенно не желая вызвать неудовольствие этого человека. Причем не просто человека — мастера, охранителя Занда и крайне опасного мага, чье появление заставило адептов судорожным движением оправить платья и выстроиться в ряд, как на уроке боевой подготовки.

Мастер дер Соллен обвел их сузившимися глазами и тихо повторил:

— Где жила Айра?

Пугливая Роза, вжав голову в плечи, молча указала на последнюю дверь.

— Как это?! — изумилась госпожа Дидерия. — Леди, вы, наверное, ошиблись? Вас тут всего десять! Так почему она жила в кладовке, когда крыло рассчитано на пятнадцать человек?!

Боевой маг скривился, когда ученицы сконфуженно опустили взгляды. Ему не надо было объяснять причину, по которой наследницы знатнейших семейств Лигерии отказались селиться рядом с безродной девчонкой, прибывшей с окраины королевства. И почему никто из них ни словом не обмолвился, что в каждой комнате есть, как минимум, одно свободное место, у которого пока еще не нашлось хозяйки.

Он бросил выразительный взгляд на неловко кашлянувшего куратора, который и тут оказался не у дел, а затем уставился на последнюю дверь — она была старой, рассохшейся и сухой, но все еще довольно прочной и заботливо протертой от пыли.

Боевой маг внимательно осмотрел дверной проем, едва держащуюся на последнем гвозде ржавую ручку, высокий порожек, о который наверняка не раз спотыкались и разбивали себе носы невезучие адепты. Затем к чему-то прислушался и осторожно толкнул деревянную створку.

Дверь вздрогнула и с протяжным скрипом отворилась, открыв его взору скромное убранство комнаты: четыре стены, старый стол, старательно убранный и тщательно отмытый, колченогий табурет и скрипучий, криво стоящий топчан, совсем не подходящий для жилища молодой девушки. Вся мебель словно была отправлена сюда доживать последние дни. Ни ковра, ни покрывала, ни крючка для вещей в комнате тоже не имелось. Один только потрескавшийся сбоку сундук в дальнем углу, в котором уже давно никто и ничего не хранил.

— Кладовка, — тихонько вздохнула госпожа Дидерия, оглядев из-за спины мага

каморку. — Я и подумать не могла, что на нее кто-то позарится.

— Тогда что здесь делает постель? — удивился Мергэ де Сигон.

— Мы иногда ссылаем сюда провинившихся учениц. На час или два. Но чтобы жить... нет. Мне такое и в голову прийти не могло. Я уже с год сюда не заглядывала.

— Вы знаете, сколько учениц у вас на попечении? — резко спросил Викран дер Соллен, быстро обернувшись.

— Десять, — растерянно отозвалась женщина.

— Одиннадцать! — процедил он, чувствуя, каким мертвенным холодом тянет от стен. — Как вы могли не знать, если каждый день здесь бываете и следите за порядком?

— Я... но ведь лер Альварис сказал...

— Вы давали ей бытовые заклинания? — резко оборвал ее бессвязное лепетание маг.

— Н-нет.

— Что? — ошеломленно обернулся и куратор. — Почему не давали?!

— Что значит почему? — совсем растерялась госпожа Дидерия. — Как я могла их дать, если ничего о ней не знала, а она ни разу ко мне не подошла?!

— Как же она тогда умывалась, стирала, пользовалась душем?!

«И мыла», — мысленно добавил боевой маг, во второй раз оглядев безупречно чистую комнату.

Женщина ошарашенно моргнула.

— Н-не знаю. Может, девочки скажут?

Дер Соллен покосился через плечо и с раздражением отвернулся, подметив на лицах учениц стыдливо-испуганное выражение. Ну конечно. Вытолкав соседку в самый грязный и неприязательный угол, никому из них и в голову не могло прийти помочь ей освоить простейшие и жизненно необходимые в быту заклятия.

Например, чтобы вычистить себе платье, вымыть руки, обновить плащ или сапоги... это ведь так просто. Каждая из этих красавиц знала о них еще с того времени, когда стало известно об открывшемся даре. Все знали, кроме Айры. И, значит, она руками стирала свои вещи. Каждый день. В холодной воде. Одна и в темноте, потому что свет в купальнях включался коротеньким заклятьем. Соответственно, каждый прожитый день должен был заканчиваться для нее не легким взмахом руки и чистой одеждой, а долгим, утомительным и неприятным ручным трудом. И все это вместо того, чтобы готовиться к следующему уроку и отдыхать от занятий.

Госпожа Дидерия невольно отступила на шаг, когда у мага нехорошо изменилось лицо. А потом заглянула в комнату Айры и поняла, что сердится он не зря — в этой каморке невозможно было находиться, не то что спать или готовиться к занятиям! А холод там такой, что в ней вполне могли храниться продукты и не портиться долгое время!

Она в испуге прижала ладонь ко рту.

— Всевышний... да как она жила?!

— Вот и мне интересно, — пробормотал де Сигон, зябко передернув плечами.

Викран дер Соллен ничего не сказал. Только сжал челюсти. Быстро пробежался глазами по неровному полу, на котором не было ни пылинки, пристально осмотрел пустой стол, где, вопреки ожиданиям, не громоздилась обязательная для каждого юного мага стопка учебников. Со странным чувством увидел, что одна из ножек топчана подперта суковатой корягой, а затем нахмурился.

— Метаморф жил здесь? — недоуменно озвучил его сомнения господин Мергэ. —

Ничего не понимаю... а где же тогда защитная сеть?

Боевой маг сузил глаза: именно этот вопрос тревожил его последние несколько минут. И именно поэтому он до сих пор мялся на пороге, не заходя внутрь.

Мастер-охранитель слишком часто встречался с этими созданиями Занда. Особенно с дикими. И отлично знал, что сеть непременно есть. Должна быть. И он совершенно не хотел ее пропустить, потому что потревожить ее против воли маленького хозяина значило не только испортить себе ауру на ближайшие несколько месяцев, но и, возможно, лишиться сил на период от нескольких часов до полугода. В зависимости от умений зверька.

Как уж они умудрялись создавать свои сети, из каких нитей и благодаря каким свойствам — неведомо. Может, у пауков подсмотрели в незапамятные времена. Может, у игольников научились защищать свое жилище. А может, это исконное свойство самих метаморфов — о них слишком мало было известно. Знали лишь то, что дикие метаморфы всегда нацеливали свои сети на смертельные увечья для чужаков, а охранные — только на оглушение.

Викран дер Соллен еще раз оглядел каморку Айры, чуя какой-то подвох, а потом вздрогнул от внезапно пришедшей на ум мысли и стремительно поднял голову. После чего зябко повел плечами и медленно, очень осторожно отступил от двери. А потом деревянным голосом произнес:

— Девушка сказала правду: это — настоящее логово. Такое не создашь за пару дней. А значит, мы все его пропустили.

Лер де Сигон тоже задрал голову и замер, неверяще изучая сложную паутину, раскинувшую свои нити под самым потолком. Защитная сеть была сплетена так умело и ловко, что не оставалось никаких сомнений: метаморф жил тут не первый день. И даже не первый месяц. Это было несомненное, тщательно спрятанное и отлично защищенное логово, в котором он нашел себе кров, дом и безопасное пристанище. А стоило кому-то зайти сюда непрошеным гостем или потревожить покой хозяина, как сеть молниеносно упала бы ему на голову всей мощью.

— Невероятно! — прошептал куратор, широко раскрытыми глазами разглядывая переливающееся чудо. — Не думаю, что смог бы ее порвать!

— Даже я бы не смог, — скупое обронил боевой маг. — И лер Альварис, полагаю, тоже приложил бы немало усилий, чтобы освободиться. Но и в этом случае я сильно сомневаюсь, что он ушел бы без потерь. Заметь, сеть закреплена так, чтобы упасть только когда чужак затронет сигнальную нить. В противном случае можно пройти мимо и ничего не понять. Никогда такого не видел.

— Гениально! Этот малыш еще и спрятал ее, чтобы не заметили!

— Да, — все тем же странным голосом согласился Викран дер Соллен. — Он на удивление умен. Не зная, что искать, можно смертельно ошибиться.

— Но как же Айра?!

— Полагаю, в самый первый день он не посчитал ее опасной. В противном случае у вас по-прежнему было бы только десять учениц на курсе. А потом, видимо, решил, что ему нужна хозяйка, и переделал сеть так, чтобы ее в любом случае не задело. Видишь нити над топчаном? Они намеренно сделаны короткими. Но в то же время есть и те, которые он когда-то прикрепил к ее ауре, чтобы в следующий раз сразу узнать или же с легкостью отыскать в любой части академии.

Мергэ де Сигон пораженно покачал головой.

— Поразительно! Даже у Зорга сеть проще!

— Верно, — задумчиво согласился Викран. — Думаю, нам стоит побеседовать с девушкой и выяснить, почему так получилось.

— Как она? — встрепнулся куратор.

— Жива. Но в себя пока не пришла.

— Угроза миновала?

— Да, — боевой маг неожиданно закрыл дверь и развернулся. — Однако я не понимаю причин случившегося, и мне это не нравится.

— Может, дело в метаморфе?

— Нет.

— Ты уверен, Викран? Насколько я понял, он — довольно необычный экземпляр. С учетом того, что он столько времени оставался неузнанным, не думаешь ли ты, что процесс их объединения тоже проходит быстрее, чем обычно?

Мастер дер Соллен пристально посмотрел на обеспокоенного коллегу. И смотрел так долго, что лер Мергэ неуверенно замолк и отступил на шаг.

Викрана он знал не первый год. Вернее, с того времени, как тот вернулся из Охранного леса после серьезной раны. Чудом, как говорят, выжил, целый год потом восстанавливал форму, порывался даже вернуться обратно, но, благодаря уговорам директора, передумал и остался преподавать защитную и боевую магию старшекурсникам.

Правда, учитель из него получился настолько суровый, что ученики его откровенно побаивались. В его присутствии в классах всегда была железная дисциплина и царила поистине благоговейная тишина. Наказывал за ошибки он тоже весьма своеобразно. Зато академия в его лице приобрела бесподобного преподавателя, и лер Альварис уже не раз говорил на совете, что Викран для его школы — настоящая находка.

— Нет, — наконец уронил Викран, отводя потяжелевший взгляд. — Объединение тут ни при чем. Меня тревожит сам факт присутствия метаморфа, а также смутное ощущение, что он живет здесь не так уж и долго.

— Но ведь сеть...

— Она невероятно сильна. Это — правда. И очень хорошо укрыта. Даже слишком хорошо — три дня назад я был на совете у лера Альвариса... стоял рядом с девушкой, но ее связь с сетью даже не почувствовал. И именно это меня тревожит.

Лер де Сигон озадаченно нахмурился.

— Но ты же смог договориться с метаморфом? — непонимающе спросил он, когда хранитель быстрым шагом направился к выходу.

— Да.

— И уговорил его себя подпустить?

— Ненадолго.

— Значит, он не агрессивный, — сделал вывод куратор, догоняя коллегу. — Он мог бы тебя поранить, наброситься, порвать... но не стал. Значит, доверяет?

Викран дер Соллен резко обернулся. После чего кинул мимолетный взгляд на замерших в ступоре учениц, замявшуюся госпожу Дидерию. Быстро заглянул за ближайшую дверь, где промелькнул густой ковер, укрытые теплыми тканями стены, ровные ряды красиво заправленных постелей (действительно, по три в каждой комнате), ослепительно белые простыни, пуховые перины, пышные подушки, вазы с цветами на изящных столиках... и поджал губы.

— Нет, — весомо обронил он, невольно сравнив роскошные комнаты со старой кладовкой Айры. — Он нам не доверяет. А не набросился лишь потому, что она запретила. Им обоим, если ты не понял.

— Кто? Айра?! Как она могла велеть Зоргу?! У него ведь есть хозяин! — вконец оторопел лер Мергэ.

Боевой маг только усмехнулся.

— А вот это, коллега, нам еще предстоит выяснить...

* * *

Лера Альвариса мастер Викран, против ожиданий, в кабинете не нашел, поэтому отправил легкий ментальный посыл и с удивлением обнаружил, что директор находится в оранжерее. Более того, очень хочет, чтобы дер Соллен к нему присоединился, и явно желает рассказать о чем-то важном.

Мастер, недолго думая, открыл портал на задний двор. Правда, выйти непосредственно в оранжерее не рискнул — слишком уж много Матисса насажала там травок и за каждую ненароком поврежденную была готова сражаться хоть с ним, хоть с директором, а хоть с семихвостым буйволом.

Лера Альвариса он нашел быстро — тот стоял в дальнем конце оранжереи и задумчиво изучал заметно разросшийся игольник.

Викран хорошо понимал его беспокойство — за каких-то три дня крохотный росток вымахал почти под потолок, обзавелся не одним, а целым десятком стеблей, раздался вширь и стал напоминать пышный, сумасшедше колючий куст. Точно такой же, какие он много раз наблюдал на границе проклятого Занда.

При виде смертоносных шипов и буйно разросшейся листвы Викран заметно помрачнел, не понимая, почему игольник так вольготно себя чувствует вдали от родных мест. И только подойдя вплотную, рассмотрел мощную защитную сеть, не дающую растению разрастись еще больше или ударить стоящего в опасной близости лера Альвариса. А значит, Легран все-таки выполнил просьбу директора и приложил усилия, чтобы обезопасить себя и окружающих.

Высокомерный сноб. Все не может простить толики крови западных эльфов, текущей в его жилах? Ревнует, что ли? Или его неприязнь к собратьям так велика, что распространяется даже на полукровок? Может, дело в самих полукровках? Легран никогда не говорил. Но Земля у него отменная и поразительной даже для эльфа силы. Так что пусть не терпит — лишь бы не лез на рожон.

Викран тихонько подошел к директору и деликатно кашлянул у него за спиной.

— Ты уже? — рассеянно повернул голову лер Альварис.

— Да, учитель. Я все проверил.

— И что?

— Логово, — кратко доложил маг. — Надежное, безопасное и с хорошей защитной сетью.

— Свежее?

— Трудно сказать. Но сеть весьма хороша.

— Гм, — директор задумчиво потеревил бородку. — Как считаешь, за месяц ее можно

сплести?

— При желании все можно, — хмыкнул дер Соллен. — Но применительно к молодому метаморфу — вряд ли. Он неопытен и недостаточно силен, чтобы проделать такую работу в короткие сроки. Да даже в длинные — он не должен уметь таких вещей вообще.

— Полагаешь, есть кто-то другой?

— Второго я не учуял, — беспокойно повел плечами Викран. — И Мергэ тоже. Конечно, это не показатель, но маловероятно, чтобы мы вдвоем пропустили еще одного зверя. Да и сеть была всего одна. Остальные комнаты чистые.

Директор тихо вздохнул.

— Что думаешь о девочке?

— Не знаю, — тут же нахмурился маг. — Но хозяйку он себе выбрал правильно — у нее настолько сильная Земля, что за ней совершенно не чувствуется его запах. Возможно, именно поэтому он ее и не тронул? Подобные таланты рождаются раз в тысячу лет. Не зря Легран всполошился.

— Как считаешь, в чем причина ее истощения? — небрежно осведомился лер Альварис, по-прежнему стоя к нему спиной и загораживая собой разросшийся игольник.

— Я не уверен, учитель. Такое впечатление, что ее выкачали досуха... или она сама отдала все до капли? Но выкачивать вроде бы некому. Мальчишка ни при чем, я проверил. Однако причин, чтобы отдавать ей куда-то силу по своей воле, я тоже не вижу, — Викран неожиданно вспомнил лицо девушки, когда нес ее до лечебницы, и снова поразился его мертвенной бледности. — Обычно такое бывает, когда маг умирает. Причем не своей смертью, а под действием заклятия.

— Но на ней такого заклятия не было.

— Да, учитель, — покорно склонил голову маг. — Что-то истощило ее так, что Лоур всерьез опасается за ее жизнь. Но ни с метаморфом, ни с мальчишкой, ни с Дербером это никак не связано. Метаморф не позволил бы мне подойти, если бы это случилось по его вине: объединение требует одиночества. Тогда как мне показалось, что он сам испугался.

— Как считаешь, сколько ей еще восстанавливаться?

— Неделью, не меньше.

— Думаешь, она могла бы прийти в себя раньше?

— Исключено, — покачал головой Викран, совершенно не понимая, зачем спрашивать очевидное. — Вы же сами видели — она едва дышала. Никто не способен восстановиться за такой короткий срок. Даже эльфы.

Неожиданно лер Альварис повернулся и внимательно посмотрел на возмужавшего ученика, которого когда-то учил искусству.

— Ты уверен?

Викран наконец увидел то, что заставило учителя глубоко задуматься, и ошарашенно замер — у основания игольника, презрев все щиты и охранные сети, закутавшись в плащ, безмятежно спала Айра. Все еще очень бледная, с босыми пятками, возле которых медленно шевелились усики Иголочки.

— Но как?!

— Не знаю, — медленно ответил директор на неподдельное изумление ученика. — Может, ты что подскажешь?

Викран оторопело проследил за заметно удлинившимися усиками игольника и застыл, увидев, что они сплетались вокруг измученной девушки своеобразным коконом и с

паразитической скоростью восстанавливали ее истерзанную ауру.

— Такого не бывает, — деревянным голосом сообщил директору боевой маг. — Игольники умеют только забирать силу. Но никак не отдавать.

— Однако он это делает. И я вполне понимаю, почему девочка сюда так стремилась.

— Стремилась?!

— Да, — кивнул лер Альварис. — Полчаса назад ко мне влетел Лоур и заявил, что она исчезла из лечебного крыла. Причем он даже не понял, каким образом: защитные сети не тронуты, купол молчания вокруг ее постели не потревожен, исцеляющее заклятие не нарушено, а ее нет. Признаться, я сперва не поверил. Но наш дорогой Лоур так испугался, что пришлось самому смотреть на это чудо.

— И что?

— Он оказался прав, — спокойно сообщил директор. — Купол и заклятия на месте, а девочки нет. Правда, мне, в отличие от Лоура, удалось нащупать кончик недавно открытого портала и прийти по нему сюда.

— Она смогла сотворить портал?! — окончательно растерялся мастер Викран. — В таком состоянии?!

— Увы, мой ученик. Я не нашел следов чужой магии. А теперь стою тут и думаю: как же мы могли ее пропустить? И я, и Мергэ? И не поэтому ли при ее появлении не сработали наши сигнальные заклинания?

— Не уверен, — механическим голосом отозвался дер Соллен, пораженно следя за поведением игольника. — Такое впечатление, что их повредили.

— Тогда почему мы этого не заметили?

— Меня больше волнует другой вопрос: почему игольник ей помогает?

Лер Альварис странно хмыкнул.

— Как ты уже сказал: не имею ни малейшего понятия. Но, думаю, тот факт, что его пробудила именно она, плюс ее Земля, от которой даже Легран пришел в восторг, а Матисса буквально рыдает от счастья, сыграли в этом немаловажную роль.

Маг недоверчиво посмотрел.

— Легран в восторге?

— Еще в каком. Он почти двое суток проторчал с ней, надеясь, что девочка придет в себя и расскажет, где нашла себе метаморфа. И даже соизволил помочь Лоуру в деле исцеления нашей загадочной ученицы.

Викран посмотрел совсем странно.

— С каких это пор Легран стал интересоваться здоровьем адептов?

— Ну, Айра — не обычная адептка, — хмыкнул директор и в подтверждение своих слов кивнул в сторону игольника. — За кем еще это милое растение стало бы так заботливо ухаживать? Посмотри, он ее почти восстановил. Еще пара часов, и она полностью исцелится. Но знаешь, что самое забавное?

— Нет.

— Самое забавное в том, что и заклятие Лоура все еще работает!

— Не понял... — ошеломленно воззрился на учителя боевой маг.

— Да-да, — кивнул директор. — Сам бы не поверил, если бы не видел собственными глазами, но кто-то очень умный сумел подключиться к оборванному порталом лечебному заклятию Лоура и начал подпитывать его энергией. Так что это дитя по-прежнему находится под его воздействием, однако источником для него теперь служит не наш сердобольный

целитель, а живой игольник. Смекаешь?

Викран остолбенело уставился на безмятежно спящую девушку, вокруг которой беспрестанно вились зеленые отростки, и наконец понял, что в этом коконе было неправильно: он был развернут наружу, а не внутрь, как положено. И на самом деле забирал извне сочащуюся из игольника силу, после чего направлял ее внутрь, по тонкой, едва заметной и упруго пульсирующей нити, начало которой терялось где-то под плащом девушки.

Он даже губу прикусил, поняв, что учитель совершенно прав. А затем заметил среди листьев и шипов игольника настороженно сверкающие глаза и едва не отшатнулся.

— Ты?!

Кер проворно выбрался из игольника и, приняв облик крысы, бесстрашно спрыгнул на землю возле спящей хозяйки. Деловито обнюхал ее руку, убедился, что все в порядке, властно перекусил призрачную нить исцеляющего заклятия и, обернувшись, недовольно заворчал, когда сразу оба мага качнулись навстречу.

— Вот так, — с неуместным смешком заключил лер Альварис. — Заклятие полностью выработало себя и больше не нужно: теперь это будет просто сон, спокойный и глубокий. Любопытно, да?

Боевой маг оторопело кивнул, а директор академии неожиданно улыбнулся.

— Мне кажется, Викран, тебе снова придется нести ее в лечебное крыло. Меня он, боюсь, не подпустит. А оставаться здесь и дальше будет для нее не слишком полезным.

Викран перехватил настороженный взгляд метаморфа, припомнил молниеносный щелчок его челюстей, задумался о возможных последствиях, но, повинуясь жесту учителя, со вздохом опустил на корточки.

— Ну что, охранный? Позволишь помочь вам еще раз?

Айра пришла в себя только через неделю. В том смысле, что она могла самостоятельно подниматься с постели, гулять по разбитому вокруг лечебного крыла саду, почти не чувствовала выматывающей слабости и не падала в обморок при каждом удобном случае.

Она беспрепятственно покидала свою комнату, каждый раз слыша строгий наказ от лера Лоура не пользоваться магией, послушно ела невкусные травяные каши, пила многочисленные настои, беспрекословно давала читать свою ауру, не спорила и не капризничала. Однако лекарь хорошо видел: что-то не так. Ему не нравилась ее покорность, тревожило поселившееся в глазах равнодушие, беспокоила пустота во взгляде и неестественно ровный голос, которым она приветствовала его по утрам.

Да, ее руки давно зажили, шрамы на ладонях перестали кровоточить, аура с каждым днем выглядела все лучше и лучше, движения стали уверенными и плавными. Но душевное равновесие оставляло желать лучшего: после того, как память к ней частично вернулась, девушка надолго замкнулась в себе, потеряла интерес к жизни и с обреченным спокойствием сносила неприятные процедуры.

Старый лекарь, как ни пытался, не сумел понять, в чем дело. Каждый раз, когда он заводил об этом разговор, Айра мгновенно замолкала, ее глаза тускнели, руки сжимались в кулаки, а в уголках рта пролегали горькие складки.

Она не желала ни с кем делиться своей болью и не рассказывала, насколько мучительными и реальными стали ее сны — бесконечно повторяющиеся, пугающие, подозрительно красочные, в которых она раз за разом убегала от преследователей и с ужасающей четкостью видела, как умирает.

Теперь ей многое стало ясно. Многое открылось, и многое она вспомнила. Вспомнила отца с матерью, маленькую деревеньку у подножия Снежных гор. Краткие мгновения детства, наполненного любовью и заботой. Зеленый пруд, в котором водились огромные караси. Дощатый мост через быструю речку, стайку босоногих ребятишек, обожавших носиться по нему взад и вперед: проворного Вежика, быстрого Бека, шумную Айвинку, курного Домра...

Она вспомнила кузницу, нескончаемо дымившую на самой окраине деревни. Заботливые руки матери, умеющие печь потрясающе вкусные пироги. И даже дом напротив, в саду которого каждую осень созревали изумительно вкусные яблоки.

Айра остановилась перед приветливо распустившей ветви Иголочкой и со странным чувством ее оглядела. Эти толстые листья, темно-зеленые стебли, невероятно длинные и почти черные шипы... те же самые шипы, что уже не первую ночь преследовали ее во снах. Точно такие же, среди которых она когда-то задыхалась от боли.

— Это был игольник, — неслышно уронила она, без всякого страха подходя ближе. — Такой же, как ты. Только там его было много. Так, что за ним даже лес не виднелся.

Иголочка осторожно выпустила наружу чувствительные усики и ласково погладила руки хозяйки.

— Они пронзили меня стрелой, — как во сне прошептала Айра, невидяще глядя перед собой. — Как раз там, где сердце. Но я все равно живая. Все равно как-то хожу, говорю, учусь... вот только сердце с тех пор словно не мое. Будто оно умерло еще тогда, а в груди теперь бьется чье-то чужое.

Она опустила голову и без всякого удивления посмотрела на свои руки — на ладонях, как прежде, виднелись звездчатые рубцы, будто их когда-то пронзили пятигранным клинком. Если не всматриваться, можно вовсе не заметить. Но сейчас, стоя возле взволнованно шевелящегося игольника, успевшего за время ее болезни вымахать еще больше, глядя на его длинные шипы и непривычной формы листья, Айра начала смутно ощущать, что знает причину этих шрамов.

...Ей больно — стрела слишком велика для такого маленького тельца. Наконечник тяжело ворочается в груди от малейшего движения, и от этого снова становится больно... так, что просто нечем дышать.

Перед глазами с бешеной скоростью мелькают мясистые листья. Под ними так же быстро проносятся угрожающе длинные шипы, на кончиках которых мелькают липкие желтые капельки. Растрепавшиеся волосы постоянно цепляются за них, собирая выступивший яд, впитывают его и стремительно светлеют. Но не все — на макушке остается пугающе темная полоса, окрашенная в сочный лиловый оттенок.

Айра кричит, путаясь в зеленых руках. Куда-то рвется, больше не видя неба. Тихо стонет, когда объятия становятся нестерпимо тугими, и наконец бессильно повисает на обмякших лианах, после чего сразу несколько шипов игольника оживляются и с размаха впиваются в ее ладони...

Айра открыла глаза и с невеселой улыбкой взглянула на шипы Иголочки, потом опять на руки. Наконец вздохнула и дотронулась до ближайшей колючки — она оказалась плотной, гладкой и имела пять граней, точно соответствующих краям ее старых шрамов.

— Вот так, — шепнула девушка, приложив ладонь к острию. — Вот откуда они у меня. Ты видишь?

Игольник дотронулся до рубцов, легонько уколол, не повредив кожу, но тут же отступил и расстроено поник.

— Ничего, я не сержусь. Они ведь спасли мне жизнь, — снова улыбнулась Айра, погладив ближайший листок. — Только для этого потребовалось много времени.

«Семь лет, — вовремя подсказал внутренний голос красивым женским сопрано. — Запомните, девочки: ваше обучение будет длиться ровно семь лет...»

— Семь значит семь, — покорно согласилась Айра. — Значит, мне сейчас девятнадцать. И значит, я почти на два года старше остальных. Но почему так долго? И почему я этого совсем не помню?

Иголочка сконфуженно зашелестела.

Девушка подняла голову, бестрепетно оглядев ее разросшийся игольник, и подумала, что скоро его придется пересаживать. Иначе он или пробьет ветками стеклянный потолок, или продавит наружную стену, начав виться по кирпичной кладке примыкающей к оранжерее ограды, либо станет пытаться преодолеть защиту лера Леграна и начнет расти внутрь, оттесняя собой других постояльцев мадам дер Ваги.

Причем Айра была почти уверена в том, что ее Иголочка довольно быстро справится с этой преградой.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала она, мельком покосившись за окно, где уже давно царила ночь. — Не сейчас, конечно, потому что все уже спят. Но когда увижу лера Леграна, обязательно спрошу. И лерессу дер Вагу тоже. Может, она позволит тебе расселиться свободнее?

На тихий писк сверху Айра живо обернулась и очень искренне улыбнулась.

— Кер! — ей на руки со счастливым урчанием свалился упитанный крыс и тут же забрался на плечо. — Здравствуй, мой хороший. Ты как? Нагулялся? Есть хочешь?

Она ласково погладила метаморфа и с чувством прижала к себе, ненадолго позабыв о тревогах.

С Кером ей всегда было хорошо. Само его присутствие успокаивало и дарило поразительную уверенность в том, что все будет хорошо. Он единственный, кого Айра всегда была рада видеть. И единственный, кто так трепетно и бескорыстно заботился о ней со дня своего рождения.

...Среди сомкнувшихся вокруг колючих веток, кажется, нет никакого просвета. Нет жизни. Они — словно тюрьма для всего чужеродного. Как непреодолимый барьер, чуткий страж, не пускающий внутрь посторонних.

Однако Айра, почти теряя сознание от боли, все же успевает увидеть бесформенный комок, настороженно выглядывающий из-под соседнего листа. Он больше похож на клубок спутанной пряжи или на пушистого ежика, внезапно научившегося лазать по деревьям. И только большие черные глаза смотрят на нее из темноты с неподдельным любопытством.

А когда она все-таки сдается и падает во мрак, клубок с тихим писком спрыгивает ей на грудь и осторожно принюхивается. Как раз там, где торчит обломок стрелы и где порванную сорочку медленно пропитывает свежая кровь...

— Теперь я тебя вспомнила, — прошептала Айра, со слезами на глазах обнимая урчащего крыса. — Это ты на меня смотрел, когда я упала. Ты сидел совсем рядом... еще маленький и слабый... ты хотел слизнуть с меня кровь, потому что, наверное, был очень голоден, а я тогда сказала, что можно. Мне ведь она была уже не нужна, а тебе, наверное, помогла бы выжить... да, теперь я все помню: это ты был со мной в тот день. И все последующие, наверное, тоже. А потом пришел сюда, прошмыгнув в арку в самый последний момент.

Кер согласно мурлыкнул, не смутившись тем, что издавать такие звуки крысу совсем не положено. А она прижала его еще теснее и неожиданно поняла, что права. Конечно, права, ведь в хорошо защищенной и тщательно отделенной от остального мира академии просто неоткуда взяться столь редкому зверю, как охранный метаморф.

— Занд, — зачарованно прошептала Айра, пристально всматриваясь в неистово горящие глаза крыса. — Порталы вывели меня прямо к Занду. К единственному месту, где свободно растет дикий игольник и где вольготно живут такие, как ты. Я испугалась, я хотела спрятаться, искала помощи... и нашла тебя.

Она зажмурилась, заново переживая страшное прошлое. Ей вдруг показалось, что по пути в Лир возле нее не раз и не два непонятно шевелилась трава. Показалось, что уже тогда оттуда смотрели черные бусинки чужих глаз и настороженно нюхала воздух мокрая пуговка носа.

Не ты ли это был, Кер? Не тебя ли видели караванщики? Не ты ли добросовестно преследовал нас всю дорогу до столицы и пристально следил из-за кустов, дожидаясь момента, чтобы до меня добраться? А до этого целых семь лет неотлучно находился рядом и помогал залечить смертельную рану?

— Значит, это ты испортил сигнальное заклятие, — отстранившись, спросила Айра маленького хитреца. — Конечно... кто же еще? Ты каким-то образом успел прыгнуть в

портал передо мной и подгрыз сигнальную сеть. Поэтому де Сигон не встревожился...

Кер ласково ткнулся мордочкой в ее мокрую щеку.

— Ты не хотел, чтобы обо мне узнали? — Айра отерла лицо и шмыгнула носом. — Хотя, наверное, ты прав. Не стоит никому говорить, что я когда-то умерла и долгое время пробыла в Занде.

Крыс согласно пискнул.

— Спасибо, мой хороший. Я очень тебя люблю.

Метаморф счастливо замурлыкал, перекинулся от удовольствия в ласку, а затем, озорно блеснув глазами, лизнул ее в щеку и, слетев на землю, умчался, торжествующе зацокав уже откуда-то сверху и весело застрекотав.

— Проказник, — улыбнулась Айра, проследив за метаморфом, лихо скачущим по драгоценным образцам госпожи Матиссы. — Смотри, не сломай ветку, а то нас сюда больше не пустят.

В ответ донесся задорный стрекот резвящейся ласки, а потом захрустел надкушенный плод.

Девушка снова покосилась за окно, но решила пока в лечебницу не возвращаться — господин Лоур предупредил, что вечером никаких процедур не будет. Лучше уж тут посидеть и просто послушать ночь, чем ворочаться на жесткой постели и со страхом ждать нового сна.

Сев прямо на землю, Айра бесстрашно оперлась спиной на Иголочку, обхватила колени руками и прикрыла глаза. Ей нравилось здесь находиться. Сидеть в тишине рядом с молчаливым игольником. Слушать, как размеренно шуршат над головой его мясистые листья. Как земля внизу едва заметно шевелится, щедро отдавая свои силы, а возле уха осторожно колеблется какой-нибудь усик, делящийся с тобой самыми сокровенными тайнами.

За последние дни Айра не раз думала о том, почему осталась жива. Почему, оказавшись внутри смертоносного игольника, все-таки уцелела и смогла выбраться. Правда, не сразу, а лишь спустя семь лет, в течение которых она совершенно не знала, что происходило вокруг.

Айра тихонько вздохнула.

Просто удивительно, как ей удалось выжить. Наверное, все дело в том, что в момент смертельной опасности в ней проснулась магия? Или же ее разбудил тот жутковатый туман? Ведь раньше никаких странностей Айра в себе не замечала. Да и приходящие каждый год маги Ковена не реагировали на подрастающую девочку.

Правда, тогда Айра была еще очень мала. Поэтому, возможно, какую-то роль сыграл животный страх, который вынудил ее бежать сломя голову сквозь темную чащу. Но именно магия привела ее напрямик в Охранный лес, помогла открыть несколько порталов подряд и найти с тем волком общий язык. Сделала так, чтобы игольник ее пощадил, не впрыснув смертельный яд. А затем заботливо спрятал от глаз наемников, поделился собственными силами и подарил маленького защитника, который теперь останется с ней на всю жизнь.

«Это Земля дала мне шанс уцелеть, — внезапно поняла Айра. — В тот день она подсказала игольнику, что я совсем не чужая. А потом, видимо, я пропиталась его соком, и теперь даже Иголочка считает меня своей. Наверное, думает, что я тоже — часть Занда. Частичка ее дома. Маленькая капля ее родной реки, из которой когда-то ее семечко черпало силы. Поэтому же и Зорг меня узнал. Вот только где я жила все эти годы? Что делала? И что со мной сотворил игольник?»

Она с новым вздохом потерла разом занывшие виски.

«Значит, еще не время, — поняла девушка. — Пока рано об этом вспоминать. Или,

может, это еще ужаснее, чем то, что я уже вспомнила?»

Внезапно под ее ноги легла длинная тень.

— Надо же, какой сюрприз! — промурлыкала ночь знакомым бархатным голосом. — Кто бы мог подумать, что в такое позднее время оранжерея не пустует?

Айра подняла взгляд и увидела бледное, совершенно незабываемое лицо, обрамленное длинными белыми локонами и улыбающееся в полумраке клыкастой усмешкой.

Несколько мгновений она смотрела в пульсирующие точки заалевших зрачков, с поразительным равнодушием узнав давешнего вампа. Сухо констатировала, что он готов торжествовать победу, и безразлично отвернулась, не испытывая больше ни страха, ни тревоги, ни даже толики беспокойства.

— Опять ты? Все бродишь по запретной территории неупокоенным призраком?

У вампира забавно вытянулось лицо.

Он явно хотел что-то сказать... может, даже покрасоваться зубками и нагоняя на годоводку страху, но почему-то не смог. А встретив вместо ожидаемого испуга необъяснимое равнодушие, ошеломленно моргнул и неприлично разинул рот, тогда как Айра, потеряв гудящие виски, снова уткнула взгляд в землю.

— Ты... ты что тут делаешь?! — наконец обрел дар речи вампир.

— Сижу. А ты? — так же безразлично отозвалась девушка.

— Ну-у...

— Очень содержательный ответ. Зашел поболтать? Или просто оголодал? Но моя кровь вряд ли придется тебе по вкусу, так что поищи себе другую жертву.

Вамп со стуком закрыл рот и ошарашенно воззрился, не в силах осознать, что его не просто не испугались, но еще и дерзят без всякой меры.

— Ты что, не боишься?

— Нет, — покачала головой Айра.

— Даже зная, кто я?!

— А кто ты? — посмотрела она со слабой искоркой интереса. — Нет, то, что вамп, понятно. Я имею в виду имя: ты кто такой?

— Дакрал ван Свертен, — машинально ответил донельзя озадаченный вампир. — Высший клан. Дом Свертен, старшая семья.

— Звучит неплохо. А я — Айра. Но тебе, насколько я знаю, здесь совершенно нечего делать. Это правда, что за нарушение правил тебя могут исключить?

Он неожиданно помрачнел.

— Да.

— Тогда что ты тут делаешь? Неужто меня искал? — вдруг хмыкнула девушка, насмешливо на него покосившись. — Хотел вежливо попросить не выдавать преподавателям факт твоего присутствия возле наших корпусов?

Вамп посмотрел еще мрачнее.

— Да брось, — отвернулась Айра. — Я тебя не боюсь. Хотела бы — и отпечаток твоей ауры давным-давно бы лежал на столе лера Альвариса.

— Так почему его до сих пор там нет? — вкрадчиво осведомился Дакрал, потихоньку подступая ближе.

— А ты этого хочешь?

— Не-е-т, — тихо, но с явным подтекстом протянул он. — Зато хочу быть уверенным в том, что этого и впредь не случится.

Айра, почувствовав, как шевельнулась за спиной Иголочка, снова хмыкнула.

— И это вместо спасибо? Кстати, осторожнее — не переступай черты, не то твои способности к восстановлению подвергнутся серьезному испытанию.

— Угрожаешь? — мягко спросил вампир, кинув взгляд себе под ноги и увидев предупреждающую линию, которую лер Легран специально нарисовал перед смертоносным игольником.

— Не я. Она.

Айра выразительно ткнула пальцем себе за спину, почти видя, как игольник стремительно сворачивает тугие листья, подбирает их, складывая почти вертикально, и выставляет наружу сразу все свои шипы. Ощущая всем телом, как распрямляются его стебли, подтягиваются к ним тонкие усики, как шевелится под ногами земля и оттуда выглядывают длинные, белесые, похожие на откормленных змей корни.

Она даже не пошевелилась, когда из-за ее спины отточенными рапирами выскочили целые ряды ядовитых иголок. Спокойно проследила за тем, как на их кончиках выступили крохотные желтые капельки. Наконец перевела взгляд на окаменевшего вампира и плавно поднялась.

— Познакомься, это — Иголочка. И ты, по-моему, ей не слишком нравишься.

Вамп, который и без того был белее снега, посерел так, что стал похож на недельного мертвеца, которого охотники за чужими гробами опрометчиво выкопали из могилы. У него дико расширились глаза, побледнели алые радужки, расцвели неестественным румянцем щеки и дрогнули губы.

— Назад вернись, — тихо посоветовала Айра. — И постарайся сделать это без лишних движений. Тогда тебя не тронут.

Вамп перевел на нее ошалелый взгляд.

— Ч-что?!

— Назад, говорю, отойди, — спокойно повторила девушка, а затем недрогнувшей рукой отвела от себя ближайший шип и шагнула навстречу.

Дакрал инстинктивно отшатнулся.

— Вот и молодец, — кивнула Айра. — Лер Легран не зря обозначил границы. Если их не нарушать, Иголочка не начнет воспринимать тебя как добычу. Но если ты начнешь угрожать, она уже не будет такой покладистой. Например, стрельнет шипами или корешками зацепит. Тебе лучше уйти.

Вамп медленно попятился, не отрывая взгляда от замершего в нерешительности игольника. Потом увидел, что смертоносные шипы постепенно прячутся под листья, убедился, что стрелять в него никто не будет, нервно отер повлажневший лоб и перевел дух.

— Откуда оно тут взялось?

Айра пожала плечами.

— Выросло.

— Игольник?!

— А что такого? Кстати, почему ты так хорошо разбираешься в созданиях Занда?

— Мне положено, — автоматически выдал вампир и неуверенно замер. — А ты... почему он тебя не трогает?

— Не он, а она, — терпеливо повторила Айра, протянув руку и спокойно проследив за тем, как ближайший усик нежно обвился вокруг запястья. — А не трогает потому, что это я ее пробудила. Из семечка. Случайно.

Дакрал внутренне содрогнулся.

— С ума сойти... эльфы — это я еще могу понять, но чтобы простая человеческая девчонка...

— На себя посмотри, — фыркнула Айра. — Ты клыки-то спрячь, белобрысый, пока они еще есть, и спину свою прикрой. Неровен час, кто-нибудь на нее прыгнет.

Вампир как ужаленный обернулся и очень вовремя: на соседнем кусте уже сидел во всеоружии заметно подросший метаморф и выразительно скалил зубы, молча обещая ему нешуточный бой, если тот вздумает задеть хозяйку. Более того, если бы не ее молчаливый приказ, он бы уже прыгнул и решил этот вопрос самым радикальным способом.

— Всего доброго, — вежливо попрощалась Айра, заставив припозднившегося гостя снова вздрогнуть. — Думаю, нам больше не о чем разговаривать, лер Дакрал ван Свертен. Про ваши ночные прогулки я, так и быть, никому не скажу. Но только с тем условием, что вы больше здесь не появитесь. Согласны?

Вамп ожег ее горящим взглядом, но все же кивнул.

— В таком случае, не смею вас задерживать, — Айра мило улыбнулась, мысленно поражаясь сама себе, проследила за тем, как раздраженный вамп исчезает в темноте, а затем подхватила на руки крыса и с облегченным вздохом прижала к груди.

— Как считаешь, я не переиграла?

Кер в ответ только одобрительно заурчал.

Следующий день господин Лоур позволил Айре провести в одиночестве. На занятия ее категорически не пустили, сказав, что еще слишком рано тревожить ауру. В оранжерее работа была закончена еще вчера (разумеется, когда лересса дер Вага этого не видела, моментально выгнала бы упрямую помощницу прочь). Очередные две главы в учебниках по стихийной магии были прочитаны, Естествознание и Практическая магия зазубрены целиком еще раньше. Кер, вдоволь набегавшись по саду, мирно дремал на коленях, а сама она уже который час сидела в хранилище и старательно выполняла взятые на себя обязательства.

— Марсо, ты очень занят? — осторожно спросила Айра, переворачивая очередную страницу пухлого тома «Основ трансгрессии и трансформации живого». Книга была старой и ужасно путаной, так что девушка подглядывала туда вполглаза, а в основном терпеливо выполняла роль «руки», благодаря которой призрак с поразительной скоростью утолял свою жажду знаний. — Можно тебя отвлечь на минутку?

— Угм-х... — не поворачивая головы, промычал дух, впившись глазами в полуистертый текст. — Следующую.

Она послушно перевернула, смутно удивившись количеству наползающих друг на друга формул и совершенно фантастического вида многоуровневых заклятий, а затем тихонько позвала снова:

— Марсо-о-о?

— Мм?

— А почему ты не хочешь воспользоваться своим креслом? Разве так не проще?

— Нет, — рассеянно отозвался призрак. — На мне оно не работает. Настройка не та.

— А перенастроить его нельзя?

Марсо наконец оторвался от увлекательного чтения и удивленно обернулся.

— А ты неплохо прогрессируешь. Кажется, уроки Мергэ не прошли для тебя даром.

Айра слабо улыбнулась.

— Не зря же я выучила сразу весь учебник. Де Сигон, конечно, об этом не знает, но скоро обязательно заподозрит неладное.

— Ничего, — довольно хихикнул призрак, потирая полупрозрачные ладошки. — Вот когда он не сможет завалить тебя на годовом зачете, заставив перечислить все известные заклинания, а потом увидит, что ты и по стихиям не отстаешь... это, кстати, его любимая задачка для успевающих — до сих пор с первого раза никто эти две сотни формул не воспроизвел... у-ух, как бы я хотел увидеть в тот момент его лицо!

— Я их помню, но еще не умею пользоваться, — неуловимо нахмурилась девушка.

— Ничего, какие твои годы. Научишься. Ты вчерашние книги прочла?

— Да. «Обретение силы» магистра Войрока и «Понимание основ» господина де Саура. А еще ты мне дал «Водные просторы» лера Ауста — от них до сих пор голова как чужая.

— Тебе надо совершенствоваться, — наставительно заявил Марсо. — Чем больше знаешь, тем легче будет понять.

— Пока я мало что понимаю, — призналась Айра. — Формулы, конечно, запомнила, объяснения тоже, но не уверена, что смогу это повторить на практике.

— Так всегда бывает. Подожди, вот выйдешь на занятия... кстати, когда тебя выпишут из «белой тюрьмы»?

— Не знаю. Лоур сказал, что сидеть и слушать я могу хоть сейчас, но поскольку он мне больше не доверяет и почти уверен в том, что я на первом же уроке начну колдовать, то хочет поддержать на строгом режиме хотя бы до конца недели.

Марсо задумчиво посмотрел куда-то вдаль, потерял концентрацию и стал ощутимо прозрачнее.

— Итого, еще три дня... жаль, конечно, что ты пропустишь практику, но, с другой стороны, дополнительная теория еще никому не вредила. Благодаря моему креслу ты подкована гораздо лучше остальных. Вот только отработка... ладно, успеешь. В крайнем случае, мы с Кером подыщем вам какой-нибудь зал для тренировок.

— Когда? — слегка встрепелась Айра.

— Не спеши, не все сразу, — осадил ее призрак. — На данный момент Лоур прав — твоя аура, хоть уже и не походит на решето, вряд ли выдержит большие нагрузки. Так что лучше обождать с практическими занятиями. А потом мы что-нибудь придумаем. Кстати, ты больше ничего не вспомнила?

Девушка покачала головой.

— Жаль, — вздохнул он. — Твои воспоминания крайне интересны. Просто крайне. Я пока не могу все это истолковать и уложить в четкую картину, но они отлично объясняют твои способности. В том числе слабую чувствительность к охранным чарам, присутствие метаморфа и поразительную лояльность игольника.

— Думаешь, Иголочка что-то почувствовала?

— И листовик тоже, иначе ты была бы сто раз мертва, — призрак отвернулся от недочитанной страницы и испытующе уставился на ученицу: Айра на удивление мирно восприняла эту весть. Более того, ему показалось, что она в последние дни вообще перестала реагировать со свойственной молодым особам эмоциональностью.

Наткнувшись среди ночи на вампа, увидев во всей красе, на что способен смертоносный игольник, узнав о гибели родителей... такое впечатление, что прошлое будто высушило ее душу. Лишило каких бы то ни было страхов, избавило от сомнений. Сделало ее еще более тихой, молчаливой и какой-то... неживой. Будто та стрела из сна ее все-таки убила, а вместо прежней, часто смущающейся и неуверенной девушки, отчаянно нуждающейся хоть в какой-то опоре, перед ним сидела другая Айра, которой теперь было чуждо опасение перед возможной смертью.

Он тихо вздохнул.

— Извини, если напомнил.

— Ничего, — она снова обозначила бледную улыбку. — Я просто еще не привыкла... к тому, что у меня больше нет дома.

Марсо, заглянув в ее потемневшие глаза, слетел со стола и невесомым облачком устроился на подлокотнике. Кер, как ни странно, на этот раз не возражал. Только приподнял на мгновение веки, убедился, что дух не пытается залезть в ауру хозяйки, и снова задремал.

— Расскажи мне о Занде, — неожиданно попросила Айра. — Почему он такой? Почему его так боятся? Откуда вообще взялся? И почему его сторожат охранители сразу из четырех королевств? В книгах написано так мало, а в написанном так много оговорок и сомнений... пожалуйста, Марсо! Ты ведь долго живешь, многое знаешь. Помоги мне понять.

Призрак сгустился, почти перестав просвечивать. Откровенно заколебался, не будучи уверенным, что сам понимает все правильно, но еще больше сомневаясь, что об этом надо знать ей. Однако Айра смотрела так страстно, с такой болью и молчаливой мольбой, что он

только вздохнул.

— Хорошо. Но это не будет всей правдой. А возможно, вообще не приблизится к истине, несмотря на то, что я почти пятьдесят лет потратил на изучение Занда. Честно говоря, твой директор смог бы рассказать гораздо лучше. Или дер Соллен... он тоже лет десять проболтался на границе, пока не был ранен... я многого не знаю, девочка. Да, ты не ослышалась — я до сих пор не знаю, что же именно представляет собой Занд.

Марсо на мгновение прикрыл глаза.

— О нем ходит много слухов, легенд, мифов и прочих сказок. Но на самом деле никто не в курсе, откуда он взялся. Одни говорят, Занд когда-то создал Всевышний — еще до того, как появился наш мир. Другие: что он — дело рук Аллазаля. Третьи утверждают, что Прекраснейший не мог сотворить столь уродливых созданий, которые населяют Занд, а четвертые думают, что Занд — это любимое детище его младшего брата, Неназываемого или Безымянного, как его именуют на юге Карашаха... Признаться, я никогда не верил во Всевышнего. Мне больше нравится понятие Судьбы или Рока, потому что божественное начало трудно измерить и пощупать, а я, хоть и не самый благопристойный маг, все же в первую очередь ученый. Исследователь. А уж потом человек... гм, в смысле, был человеком, хотя, конечно, и сейчас не считаю, что мои взгляды кардинально изменились. Но, так или иначе, я больше склонен верить сочетанию и противостоянию планет, грамотно составленным звездным картам, смене дневного и ночного светил... то есть вещам, гораздо более реальным, чем увещевания жрецов о Боге. Даже арки были созданы всего лишь для того, чтобы отыскивать неинициированных магов, которых нельзя оставлять без присмотра. Для того же был придуман праздник Обретения... но не бойся — об этом мало кто знает. Но переубеждать кого-либо или приобщать к своей точке зрения я не собираюсь. И говорю все это лишь для того, чтобы ты понимала ход моих рассуждений.

Айра спокойно кивнула: насчет предназначения арок она уже догадалась. Да и не все ли равно? Люди верили в предназначение, искренне радовались празднику Обретения, и переубеждать их действительно не имело смысла.

— Ну вот, — хмыкнул Марсо. — Как ты уже поняла, некоторое время назад я был одержим идеей бессмертия, поэтому не мог пройти мимо упоминания о бурных всплесках стихийной силы. А Занд и источник его силы всегда будоражил людские разумы.

— И что же ты выяснил?

— На удивление, немного. Я перечитал целую гору хроник, старых летописей, чужих мемуаров... нашел у одного полоумного старика почти полный текст пророчеств Марриоры... съездил к эльфам в Восточный лес, затем побывал в Западном (разумеется, не упоминая о том, что был в Восточном). Порылся в библиотеке Ковена, куда с трудом выпросил пропуск и откуда (только не проболтайся!) утащил одну любопытную рукопись...

— Зачем? Тебе было мало просто прочитать?

Марсо снисходительно усмехнулся.

— Девочка моя, со временем ты поймешь, что некоторые заклятия имеют нехорошее свойство стираться из памяти, как только отведешь взор от книги. Собственно, я и кресло-то свое придумал лишь для того, чтобы избежать подобных ловушек. А в той рукописи, которая вышла из-под пера одного архимага лет за двести до образования нашей академии, было крайне важное заклятие, помогающее сохранить... ну, тебе это без надобности. Так вот, я сперва вынес эту рукопись из библиотеки, а потом, естественно, ее вернул, чтобы никто не пронюхал о моем интересе и не лишил ценнейшего источника информации.

Айра неловко кашлянула.

— И долго ты таким образом развлекался?

— Лет двадцать, — гордо сообщил маг. — Пока, наконец, один дурак не заподозрил неладное и не обнаружил на своих драгоценных книгах следы чужой ауры.

— Полагаю, после этого он тебя выгнал из библиотеки?

— А то. Даже едва из Ковена не вытурил, потому как совершенно справедливо решил, что мой интерес к Занду и трудам Марриоры имеет весьма личный характер. К счастью, нашелся старый друг, сумевший убедить Ковен не лишать меня силы и выхлопотавший разрешение всего лишь удалиться из Лира. Вот только он не знал, что почти все необходимые сведения я уже получил и исчез из столицы с преогромным удовольствием. На целых двадцать лет.

— Где же тебя носило столько времени? — невольно заинтересовалась Айра.

— То здесь, то там... но большую часть времени я, конечно, провел в Охранном лесу. Разумеется, не со стороны Лигерии, где меня слишком хорошо знали, а в Карашэхе, Аргаире, Иандаре... везде, где находилось спокойное местечко, в котором я мог бы беспрепятственно подобраться к Занду.

— Ты что, пробирался туда тайком?

— Нет, — хмыкнул призрак. — Я просто хорошо платил тем, кто был готов это делать для меня. Деньги у меня были: работа мага весьма неплохо оплачивается, а я тогда не гнушался ничем. Не скажу, что меня это радовало или огорчало — мне нужна была информация. Причем настолько, что я был готов ради нее на все.

— На все? — подозрительно уточнила Айра, невольно вспомнив свои голоса.

— Ну, почти, — поправился Марсо. — Совсем до низов я, конечно, не опустился, хотя, признаюсь, о некоторых своих поступках до сих пор стараюсь не вспоминать.

— А как ты находил тех, кто был готов лезть в Охранные леса?

— Люди жадны, — дух философски пожал несуществующими плечами. — Я просто пользовался их слабостью и беспрепятственно получал все, что мне было необходимо для работы: зверей, растения, почву, ядовитых ос... однажды мне даже стебель игольника принесли, представляешь? Я так обрадовался, что почти трое суток не вылезал из лаборатории, пытаюсь найти в нем отличия от обычного кактуса.

— Почему от кактуса? — искренне опешила Айра.

— Потому что он с шипами. И точно так же экономит воду. Неприхотлив. Растет буквально на голой земле. Но, в отличие от своих пустынных собратьев, нередко бывает ядовит. Правда, не всегда и не везде, но это — факт. А еще, чтобы ты знала, его сок способен вызывать дурманящие видения, поэтому уже очень давно используется эльфами для создания их знаменитых пророчеств.

— А разве Марриора была эльфийкой? — снова удивилась девушка.

— Точно, — кивнул Марсо. — Причем западной. Соответственно, худой, черноволосой и синеглазой, как наш мастер Викран.

Айра тут же вспомнила его жесткое лицо и прикусила губу.

— Его поэтому так не любит лер Легран?

— Нет. Легран вообще мало кого любит. Но дер Соллена он не терпит по другой причине, о которой тебе знать совсем необязательно. Так вот, о Занде... за несколько лет я собрал в лаборатории внушительную коллекцию его обитателей. Систематизировал их, описал, сравнил с тем, что мне было известно о других растениях и зверушках... и пришел к

выводу, что изначально они почти ничем не отличались от своих собратьев по другую сторону Охранных лесов.

— Как это? — опешила Айра.

— А вот так. На самом деле растения Занда — это совершенно обычные цветочки, травки и деревца, которые растут повсюду. Только в отличие от своих собратьев кто-то... или что-то... их изменило: сделало больше, исправило форму листьев, придало обычному кактусу размеры крестьянского дома, научило высасывать из прохожих магию и использовать ее для собственного удовольствия. А еще подарило ядовитые железы, некоторую разумность в выборе жертвы (они, как оказалось, любят подзакусить магами, тогда как простых людей презрительно выплевывают) и удивительную склонность расти кустами, как вездесущая акация. Ты вот, например, знала, что существует серый игольник — почти не ядовитый и довольно миролюбивый? Или зеленый, у которого на шипах есть яд, но он просто парализует жертву и почти никогда не утаскивает ее с собой? Наконец, лиловый — самый агрессивный и жадный, который в изобилии растет по самой кромке Занда, тогда как другие два можно встретить и в Охранном лесу?

Айра оторопела.

— А еще там есть семицветник, пыльца которого обладает действием, сходным с молочком мака. Сабельник, отлично снимающий суставные боли... вместе с кожей и мышцами. Многоголовник, поразительно похожий на самый обычный семенник, только гораздо более высокий и увеличивающий не только мужскую силу, но некоторые... э-э, — дух неожиданно запнулся, — наверное, тебе пока рано об этом знать. Но таких примеров полно. Я, когда сравнивал, просто диву давался, насколько же они похожи, но при этом отличаются так, словно над этим кто-то специально поработал! Понимаешь?

— Нет, — честно ответила Айра. — С животными та же история?

— С ними сложнее, — признался маг. — В первую очередь потому, что мне почти не удалось раздобыть образцов. Но, по слухам, в Занде обитает много зверья, которые, как и растения, сильно напоминают самых обычных зверушек. Только с некоторыми оговорками. Например, зубы подлиннее, когти поострее, цвет шкуры не рыжий, а зеленый... ну и так далее. Правда, есть там и экземпляры, которых нигде больше не встретишь, вроде твоего Кера. Или моровой ванды, от укуса которой человек погибает почти моментально. Та же никса, жуковидный журавль, красногрудая стрекоза... все они — крайне недружелюбные существа с весьма агрессивными наклонностями. Как уж они там вместе уживаются, ума не приложу. Но охранителям бывает туго, когда это зверье вдруг решает прогуляться за пределами Занда. Однако дело не в этом. Я тебе не для того это рассказал, чтобы ты пугалась и не спала ночами. Просто во всех этих вещах прослеживается одна странность, которая и навела меня на мысль о том, что Всевышний если и сотворил когда-то Занд, то создал его со вполне конкретной целью.

— С какой?

— У меня сложилось впечатление, что Занд — это не просто кусок земли, где по какой-то причине вдруг решили поселиться самые опасные существа нашего мира. Не просто ничейная земля между четырьмя королевствами, которую не смогли поделить, а потому решили оставить бесхозной. Такое чувство, что Занд что-то прячет внутри. Вернее, кто-то скрывает в нем нечто такое, что очень не хотел бы видеть в руках посторонних. Особенно магов, потому что именно нас оттуда упорно отваживают и старательно не подпускают близко.

Айра озадаченно воззрилась на возбужденно заметавшегося призрака.

— Я уверен, что прав! Там определенно сокрыта какая-то тайна! Может, тот самый источник, которого мне так не хватало сто лет назад! Причем я почти уверен, что эльфы знают о нем! Ну, по крайней мере, догадываются и именно по этой причине когда-то вырастили свои Охранные леса! Чтобы ни один человек, ни гном, ни вамп и ни виар туда не вошел!

Марсо внезапно прекратил летать и плавно опустился на спинку сонного кресла.

— Знаешь, — тихо сказал он, — когда я впервые это понял, мне показалось, что весь мир уже у меня в кармане. Осталось прийти и взять его, как спелое яблоко, чтобы откусить от всемогущества и доказать Совету, как далеки они от истинного понимания вещей... в то время я был молод. А молодость, как известно, горяча и строптивая. Так что ты, наверное, догадываешься, что вскоре я все-таки оставил теоретические изыскания и вернулся в Лир, твердо намереваясь выяснить о Занде все.

Айра сочувственно улыбнулась.

— Не вышло?

— Не то чтобы... но я работал как одержимый. Отыскал несколько вариантов текстов пророчеств Марриоры. Я выучил эльфийский, чтобы иметь дело только с первоисточником и не зависеть от переводчика. Снова побывал у эльфов, поговорил с их старейшинами... правда, они быстро смекнули, что я не просто так гонюсь за знаниями, и вежливо попросили меня покинуть их лес. Меня, естественно, это не остановило. Я продолжал искать любые указания на Занд, малейшие зацепки, смутные упоминания, намеки, предположения...

— Наверное, ты был в этом далеко не первым, раз хоть что-то нашел?

— И, боюсь, не последним, — невесело усмехнулся призрак. — Но ты права — если хорошенько порыться в архивах, можно многое найти и сопоставить. В частности то, что сведения о прошедших Катастрофах кем-то тщательно и очень старательно вымараны из всех источников. Что каждой Катастрофе предшествовало рождение редкой силы мага... помнишь Марриору? Или архимага Иберратуса, о котором с таким восторгом пишут в ваших учебниках? Дескать, он был одним из немногих, кто был способен почти постоянно находиться в состоянии Озарения и потому не знал себе равных? О том, что Катастроф было не две и не три, а гораздо больше, только память о них стерлась так давно, что этого уже почти никто не помнит. Мне понадобилось немало времени, чтобы сопоставить эти факты и прийти к ошеломляющему выводу. А потом ворваться в дом к одному своему другу и с ходу заявить, что наш дражайший Ковен находится в подлом сговоре с эльфами.

Айра ошарашенно моргнула.

— Что?!

— Вот и я так сказал, когда впервые об этом подумал. Но потом понял, что кроме Ковена просто некому было портить архивные записи с такой скрупулезностью. Некому и не для чего замалчивать сам факт существования Занда или вытребовать от четырех королевств не только полную неприкосновенность для Занда, но и целую армию охранителей, которые, между прочим, не столько берегут нас от Занда, сколько его охраняют от нас.

— Ты хочешь сказать, они стерегут то, что там спрятано? — нерешительно предположила Айра.

— Именно! Причем не первый век и в полном согласии с эльфийскими магами, гномьими королями и многочисленными кланами вампов!

— Значит, это что-то ценное, — задумчиво проговорила девушка, машинально теребя

сиреневую прядь в волосах.

— Сердце... — вдруг неслышно шепнул Марсо, разом поблекнув. — Говорят, там спрятано Сердце нашего мира. Его основа. Стержень. Его дух и живое начало. Сердце Зандокара.

Айра заметно вздрогнула, как наяву услышав мерный стук огромного сердца, который уже не раз эхом отдавался у нее в груди.

— Марриора в одном из пророчеств сказала, что тот, кто завладеет Сердцем Зандокара, погубит наш мир, — так же тихо прошептал призрак. — Но что эта сила способна его оживить, возродить из пепла... после первой Катастрофы именно так и было. Один из магов оставил свою жизнь в Занде в обмен на жизнь Зандокара. Якобы с того времени именно его сердце бьется внутри Занда. И его душа хранит нас от повторения тех страшных времен. Это записано в хрониках, это мелькает в архивах, это постоянно возвращает нас к Занду и почти впрямую говорит о том, почему он так ценен. Но тогда я не понимал этого. Тогда мне было все равно. В то время я слишком хотел победы для себя одного, чтобы прислушиваться к словам старого друга.

Айра неожиданно замерла.

— Марсо, ты что, отправился в Занд?!

— Увы, — грустно улыбнулся призрак. — Говорю же: я был слишком молод.

— Ты пошел туда один?! За бессмертием?!

— А что мне оставалось делать? — прошептал маг, истаяв почти полностью. — После того, как я на весь Ковен прокричал, что знаю их тайну, меня оттуда исключили. Изгнали из Лира. Едва не лишили силы. А потом начали охотиться, как за бешеным псом... в итоге, лишившись надежды открыть людям глаза, однажды я попытался туда прорваться...

— Всевышний! — тихо охнула Айра, зажав ладонями рот. — Ты просто сумасшедший!

— Кто спорит? Но тогда мне казалось, что это единственный способ доказать, что я умнее, сильнее и гораздо честнее их. У меня была такая чистая Земля, что я не сомневался в успехе. Да и как было сомневаться, если эльфийские маги, как я сам убедился, могли почти беспрепятственно добывать себе игольник и никогда не получали никаких ран? Магия Земли берегла их от Занда, и мне казалось, что этого вполне достаточно.

— Что случилось? — с замиранием сердца спросила Айра. — Ты... тебя убили?

Марсо скорбно опустил плечи.

— Я сам себя убил. Глупостью своей и непроходимым упрямством. Потом, правда, некроманты вернули мою душу обратно, потому что Ковен очень желал заполучить результаты моих исследований, а я приобрел вот такой непотребный вид и теперь живу, можно сказать, в полной зависимости от чужих капризов, поскольку Ковену, как ни странно, все еще требуется моя помощь.

— Тебе повезло, — сглотнула она.

— В каком-то смысле. Тело мне, конечно, никто не вернул, потому что добровольцев жертвовать своим, сама понимаешь, не нашлось, а старое полностью сгорело на границе Занда. Самого Сердца я, разумеется, не увидел. И теперь думаю, что к счастью, иначе вряд ли остался бы в своем уме. Но, по крайней мере, я добился чего хотел — теперь я могу не бояться смерти и не думать о том, что через пару веков превращусь в дряхлого старика, у которого не будет сил даже на то, чтобы подтянуть штаны после посещения уборной.

Айра тихонько вздохнула.

— Мне жаль, что так вышло, Марсо.

— Ничего. Я привык. К тому же умирать мне никогда не хотелось, а некоторые плюсы такого существования, как я говорил, имеются. Хотя на месте Ковена я бы тоже не рискнул отпускать такого ненадежного типа на свободу.

— Прости, — зачем-то извинилась Айра, но он только отмахнулся.

— Забудь. Ты ничем меня не задела. Хотя, признаюсь, твоя Земля все еще вызывает у меня некоторую зависть. Если бы я в то время имел такую...

Девушка потупилась.

— Ну и ладно, — неожиданно заключил призрак. — Зато теперь я все тебе рассказал и готов еще немного почитать. Если, конечно, ты не устала от моей болтовни. Может, в этих пыльных фолиантах отыщется способ вернуть мне тело? Проблема в том, что даже в этой замшелой библиотеке на меня наложены ограничения — скажем, я не могу искать самостоятельно материалы на тему воскрешения умерших. Приказ Ковена. Но если ты мне поможешь...

Айра запнулась на полуслове:

— Ты думаешь?..

— Не продолжай, — быстро перебил ее маг. — То, что я думаю, думаю только я, но не факт, что этого нельзя сделать. Пока никто не сказал, что здесь нет никаких сведений по этой теме, я могу тешить себя надеждой. Пусть даже и ложной.

Девушка поспешно кивнула.

— Давай попробуем что-нибудь найти. Только по странице получится очень долго. Может, ты мне будешь по дополнительной книжке подкладывать? Я ее считаю, а потом скажу тебе, надо ли смотреть дальше. Если там есть что-то важное, ты прочитаешь и поймешь, подходит или нет. А если ничего, то и время тратить не стоит.

Он странно дрогнул.

— Тебе будет плохо.

— Это же ненадолго, — шмыгнула она носом. — И ты сам сказал, что мне нужно совершенствоваться. К тому же большую часть своих учебников я уже прочитала, так что скоро они вовсе закончатся, и у меня все равно останется много свободного времени. Почему бы не потратить его с пользой?

Марсо надолго замолчал, пристально разглядывая оживившуюся и заметно порозовевшую собеседницу, которой, кажется, эта трудная работа была нужна чуть ли не больше, чем ему самому.

— Хорошо, — согласился маг. — Мы попробуем. Но потихоньку, чтобы тебе не было больно. Время у нас есть, терпением я тоже запасся, а ты... ты ведь не собираешься отсюда сбегать?

— Нет, — слабо улыбнулась Айра.

— Отлично. Тогда завтра и начнем.

За неделю количество пленников на корабле Кратта возросло в несколько раз. Кого-то, как Вэйра, продали в рабство в придорожном кабаке, кто-то упился вусмерть на радостях от удачно завершенного дела, кого-то с позором вышибли из родного села, а кто-то просто в недобрый час вышел на дорогу.

Люди были разные. И по-разному попадали в кабалу: Вэйр видел несчастных, которых затаскивали на палубу волоком. Видел тех, кого приводили в кандалах и опутанных цепями. Видел мертвецки пьяных и не соображающих, кто, куда и зачем их ведет. Видел одурманенных сонным зельем, ослабленных, избитых, вываленных в пыли или добровольно бредущих, безучастно глядя себе под ноги...

Но Кратту этого было мало. Все семнадцать пар весел «Красотки» были укомплектованы гребцами, немаленький трюм забился под завязку, места для пленников катастрофически не хватало, а он все рыскал вдоль берега, как голодная акула возле лежбища морских котиков.

А еще он знал толк в перевозке пленников, потому что они всегда были на виду. Даже ночью. Даже когда ели, спали или опраправлялись. Их будили с рассветом, давали по миске еды, затем скрупулезно проверяли кандалы. Пару-тройку человек (из тех, кто поостроптивее) для остротки награждали несколькими ударами кнута или тумаками, от которых бедняги по полдня приходили в себя. Иногда избивали рабов вовсе без повода, лишь затем, чтобы отвести душу, а потом какое-то время почти не трогали. И только изредка, если не было ветра, требовали браться за весла.

Вечером их снова осматривали, тщательно проверяя оковы, а на ночь оставляли в покое. При этом, если спящие на палубе гребцы могли хотя бы дышать свежим воздухом, то те, кого везли в трюме, задыхались от тесноты и вони собственных испражнений.

Вэйр, представив, что должны были испытывать брошенные туда люди, внутренне содрогнулся и решил, что ему еще повезло: лучше целый день ворочать тяжелое весло, дважды в сутки есть воняющую помоями похлебку, терпеть тычки, издевательский смех и удары кнута, от которых на спине потом оставались длинные кровавые полосы, чем заживо гнить внизу.

Судя по всему, Кратт не особенно дорожил теми пленниками. В трюм сбрасывались все больные, увечные и даже самые обычные старики, которых ловцы хватали с не меньшей охотой, чем молодых парней. Их почти не кормили, не выносили отходы. И не нагружали работой вовсе не потому, что ее не было, — просто большинство из тех, кто ютился внизу, были уже ни на что не годны. Кто-то оказался слеп, кто-то наполовину глух, кто-то безумен, как тот несчастный парнишка.

Вэйр долго ломал голову над этой загадкой, не в силах понять, для чего пиратам понадобилось тащить с собой балласт. Но гораздо больше его удивляло, почему Кратт до сих пор оставался на свободе. Ведь он совсем не скрывался. Внаглую бороздил судоходную реку — считай, главную водную артерию Аргаира, похищал людей чуть ли не с порога родного дома. Кидал людей в трюм десятками. Но при этом до сих пор не был пойман.

— Не смотри наверх, — вдруг свистящим шепотом велел сосед. — Увидят — шкуру живьем спустят.

Вэйр сжал челюсти и отвел глаза от мостика, на котором частенько появлялся хозяин

судна. Но поздно: Зег уже заметил и с ухмылкой двинулся в их сторону, выразительно поглаживая кнутовище.

У весла они были рассажены по трое. Вэйр, которого с самого начала приковали ближе к борту, подарив тем самым возможность видеть часть реки и кусочек проносящегося мимо берега. Совсем молодой еще парень по имени Хиг — его ровесник, попавший в плен несколькими днями позже. И, как ни странно, тот самый темнокожий громила, которого звали Дастом и которого Вэйр заметил еще в самый первый день.

Последний, как выяснилось, был родом с побережья Нахиб и, в отличие от неразговорчивого Хига, имел на удивление спокойный нрав. А также немалый опыт по части попадания во всякого рода переделки и неистовое желание вырваться с этого проклятого корабля.

Собственно, именно его стараниями они оказались на одной скамье. И именно его усилиями Вэйр получил возможность разузнать, что происходит вокруг.

Как оказалось, Даст попал в плен около двух седмиц назад. Его повязали сонного, после ужина в таком же придорожном трактире, в каком не повезло когда-то Вэйру. На веслах он оказался сразу — Кратт не привык разбрасываться людьми — и считал это наилучшим вариантом из всех возможных. Но при этом ни на миг не переставал думать о побеге. Вот только одному в таком деле несподручно: кандалы, цепи, да и отсутствие оружия сводило на нет любую попытку вырваться из рабства. Однако вдвоем-втроем можно было на что-то надеяться, поэтому, заметив Вэйра, он приложил все усилия, чтобы оказаться с ним за одним веслом.

Разумеется, никому из надсмотрщиков и в голову бы не пришло перековывать рабов просто так. Тем более сажать рядом двух крепких мужчин, каждый из которых представлял определенную проблему. Потому что Вэйр, надо сказать, нелегко переносил унижения и в первые дни схлопотал немало оплеух от Зега и его приятелей, а Даст отличился гораздо раньше, поскольку еще во время перевозки на корабль пытался сбежать. За что был жестоко избит и избежал показательного оскопления лишь потому, что у ловцов тогда сильно поджимало время.

Теперь же ему помог случай: в один из дней, когда работы для гребцов было не особенно много, его сосед по скамье, озверев от побоев, попытался порвать цепи и накинулся на Зега. Что самое удивительное, мужик почти справился и даже вырвал гвозди, которыми крепилось к палубе кольцо с идущей от него цепью. Но ему не повезло — Кратт, завидев неладное, высунулся из каюты и подал недвусмысленный знак, после чего здорового детину сбили с ног, сорвали одежду, умело оскопили, как того мужика в сарае. А когда тот пришел в себя, снова вернули на весла, решив, что для трюма он еще слишком хорош.

Вот только во время рывка здоровяк сумел повредить уключину, в которой лежало тяжелое весло. И испортил крепление для цепи, так что на какое-то время Даста пришлось пересадить на другую скамью. А поскольку свободным в то время оставалось только место рядом с Вэйром, то Даст был, естественно, перемещен именно туда. И тут же развил бурную деятельность, устроив во время очередной кормежки почти что потасовку. Вернее, показательную стычку, очень вовремя подтолкнув протянувшего руку за своей порцией Вэйра под локоть и заставив его выронить миску с едой.

Такого, разумеется, ни один невольник бы не стерпел: еда на судне означала возможность выжить. Ее потеря была равносильна смерти. Поэтому опешивший Вэйр едва

не поддался на провокацию и чуть все не испортил, ринувшись в бой с искренним намерением отомстить. И только увидев диковатый, горящий каким-то необъяснимым весельем взгляд южанина и скорее почувствовав, чем прочитав по его губам беззвучное: «Подыграй!», с недоумением придержал руку.

— Молодец! — шепнул ему тогда нахибец, с чувством двинув под дых, прежде чем их растащили и отсыпали плетей. — На реке скука смертная... для Зега и его ублюдков, конечно... но если мы их развлечем, велик шанс, что нас оставят рядом. Сечешь?

Вэйр просек задумку мгновенно и, едва не улыбнувшись разбитыми в кровь губами, напоследок засветил ему кулаком в челюсть. Да так, что у Даста звонко клацнули зубы, а развеселившиеся надсмотрщики дружно гоготнули:

— А хорошо ударил щенок! Еще бы чуть, и у лысого бы все зубы повылетали!

— Смотрите, чтоб ваши остались на месте, — усмехнулся Зег, отвешивая согнувшемуся от боли Вэйру сочный пинок. — А то, неровен час, щенок и до них доберется...

Впрочем, бил он больше для острастки, чем в качестве наказания. И кнут в этот раз почти не трогал: прав был нахибец — развлечение пиратам понравилось. Да и Даста они не стали возвращать на прежнее место. А чтобы так оно и оставалось дальше, Вэйр и южанин постоянно цапались из-за еды и при каждом удобном случае норовили сцепиться... но гребли при этом исправно. За что получили возможность не только сидеть вместе, но и осторожно переговариваться. Хотя бы по ночам.

— Куда пялишься, скотина? — лениво вытянул Вэйра кнутом по спине Зег, не удовлетворившись видом согнувшегося над веслом раба. — Двух глаз тебе, видно, много... может, выколоть один, как тому сопляку, чтобы ты, падаль, не смотрел куда не надо?!

Вэйр, вздрогнув от обжигающей боли, угрюмо промолчал.

— Я могу это устроить, — доверительно сообщил ему Зег, занося руку для нового удара. — И даже больше... хочешь, разукрашу твою рожу так, что мать родная не узнает? Правда, над ней кто-то уже неплохо поработал, но я сделаю еще лучше. Таким красавчиком у меня станешь, что от тебя даже шлюхи шарахаться будут!

Вэйр снова смолчал, опустив голову и словно не замечая бегущих по спине горячих ручейков. Взгляда не поднял, рук не расцепил, весло не бросил... Зег, смачно сплюнув на свежие раны, отвернулся и гаркнул кому-то из своих:

— Эй, ну-ка солью этого молчуна присыпьте! Пусть прочувствует мою доброту!

На палубе слаженно гоготнули, и кто-то в охотку помчался исполнять приказ. Правда, стопа от юноши надсмотрщик не дождался, зато вдоволь насладился видом его кровоточащей кожи и мелкими судорогами, наглядно демонстрировавшими, что израненному парню приходится несладко.

— Молодец, — почти беззвучно выдохнул Даст. — Держись, пацан. Знаю, что это нелегко, но так надо. Самое трудное — это одолеть самого себя. Свои страхи, ярость, ненависть... но ты справился, Вэйр. А значит, судьба не зря свела нас вместе.

Юноша только сжал кулаки и уперся лбом в неподвижное весло. Ветер, хвала Всевышнему, дул попутный, так что ему не нужно было рвать жилы и поднимать тяжеленную лопасть, рискуя изойти кровью еще до вечера.

— Наберись терпения, — так же тихо посоветовал южанин. — Не думай о боли. Думай о тех, кто тебе дорог. О тех, кому дорог ты. И о тех, кому будет очень плохо, если ты по глупости своей не сумеешь выжить. Я не говорю, что нужно сжаться и позволить им творить все, что душе угодно. Не говорю, что надо стать куском дерьма на подошвах Зега. Просто

сейчас у нас нет выбора. Будет самоубийством бороться с ними на их условиях.

— Но нас больше! — зло сверкнул глазами юноша.

— Да. Но посмотри на тех, кто сидит вокруг: где огонь в глазах? Где гордость? Воля к победе? И что они могут сделать, сидя на цепи?

Вэйр мрачно покосился по сторонам и отвернулся: Даст прав — среди невольников почти не было тех, кто жаждал свободы так же, как он. И в их глазах не горел неукротимый огонь ненависти, не светилась благородная ярость, не тлела затаенная осторожность... только страх и покорность судьбе. А если у кого и проскальзывала искорка недовольства, то ее быстро гасили ударами кнута, пинками, рукоятью от весла или просто кулаками...

Вэйр, вдоволь насмотревшись на издевательства, только озлобился еще больше. Но при этом не мог не понимать, что если бы не Даст, то, скорее всего, сейчас за бортом плавало бы его хладное тело, изуродованное до неузнаваемости. Вот тогда мать с отцом уже никогда не дождались бы возвращения сына. И только эта мысль, вкупе с предостерегающим ворчанием соседа, заставляла его сдерживаться.

«Я справлюсь! — свирепо пообещал он себе, проследив за свежей кровавой дорожкой. — Со всем справлюсь! Я вернусь домой, чего бы это ни стоило! Вырвусь отсюда, убью Зега, развалю эту посудину на части и вернусь! Ты только дождись, мама, только меня дождись...»

* * *

Довольно скоро причина беспечности Угря стала ему, наконец, ясна. Как стал понятен и способ, благодаря которому Кратт так долго оставался на плаву.

Это случилось в тот день, когда переполненное судно нахально бросило якорь возле одной деревеньки. Причем посреди белого дня, на глазах у многочисленной детворы, стирающих в заводи баб и пасущегося рядом стада флегматично жующих коров, пригнанных молодым пастухом, дабы потихоньку подглядывать за работающими девками.

Вэйр, услышав внизу голоса и увидев сквозь отверстие для весла, что произошло, сперва не поверил своим глазам: видано ли, чтобы известная на весь Аргаир «Красотка» являлась людям во всей своей красе? Да еще с невольниками?! Но Угорь не только пристал к берегу, не только не потрудился распорядиться, чтобы пленников спрятали в трюме и заткнули понадежнее рты, но еще нацепил роскошный камзол и самолично спустился по трапу!

Юноша так поразили наглость пирата, что сперва онемел. Затем заподозрил, что крестьяне с ним в сговоре. Наконец рассмотрел искренний интерес на лицах оторвавшихся от стирки баб, неподдельный восторг босоногих пацанов. Через уключину увидел самого старосту — осанистого деда с открытым лицом и спокойными глазами, и внезапно понял: нет, этот человек не стал бы мараться грязью, в которой по уши засел Угорь. Напротив, голову бы положил, но во что бы то ни стало сообщил наместнику в ближайший город.

Но тогда почему Кратт так спокоен? Почему пошел навстречу, не волнуясь, что за ним наблюдают десятки людей, в глазах которых вдруг вспыхнула безумная надежда? Неужто он не понимал, что они будут кричать? Любой ценой постараются привлечь внимание, чтобы местные увидели, послали дальше тревожную весть... и если не сейчас, то хотя бы через пару недель королевская гвардия добралась бы до этого нелюдя. Взяла бы его в тиски, устроила на реке засаду... рукав-то всего один — путь назад перекрыть проще простого,

свернуть тут негде, а летать он наверняка еще не научился... о да, славная бы вышла потеха. Из такой ловушки Кратт бы уже не вырвался.

Вэйр даже дыхание затаил, а потом привстал на скамье, собираясь плюнуть на все и подать голос.

— Мое почтение, господин, — низко поклонился староста, не дойдя до Угря нескольких шагов. Вместе с ним подошли и трое кряжистых мужиков, на лицах которых не виднелось ни толики беспокойства. — Какими судьбами снова к нам?

— День добрый, уважаемый Жигор, — кивнул Угорь, небрежно заложив руки за пояс, ни видом, ни тоном, ни выражением лица не напоминая ни господина, ни купца, ни просто доброго человека.

Однако староста не смутился. Даже напротив — смотрел на пирата со всем вниманием и готовностью выслушать любую просьбу. Словно не видел перед собой перегруженного корабля и не замечал отчаянные лица людей, готовых уже сорваться на крик.

— Как идет нынче торговля, господин? — совершенно спокойно спросил он. — Что везете на этот раз?

— Лес, как всегда, — странно хмыкнул Угорь. — И много всякой всячины. На юге задумали плотину строить, чтобы отхватить у пустыни немного земли, вот я и решил попытать счастья.

Староста окинул цепким взглядом низко сидящее судно и поцокал языком.

— Нет. До устья не дойдете — слишком мелко. Потом волоком придется, да вдоль леса...

— Ничего. Рук у меня много: перетащим.

— Ну, возможно, — не стал спорить дед. — Только цену-то небось втридорога возьмете?

— Конечно. Кто ж задарма работать будет? — наигранно удивился пират. — Было бы тут течение, сами бы сплавили сколько надо, и дело с концом. А идти почти каждый день на веслах, да еще с таким грузом, потому что пристать тут до самого Белозерья негде...

— Да, берега у нас плохие, — вздохнул староста. — И хорошего леса уже через пару дней не будет — все кривулины да береза, а на плотину северное дерево нужно, лиственница... где ее у нас сыщешь? Да и корабль нам не потянуть, даже если всей деревней деньги собирать будем...

Угорь самодовольно улыбнулся.

— Вот и я так подумал. У нас только с провиантом худо — прохвост-подрядчик опять не рассчитал, так что, боюсь, едва хватит на моих проглотов. Не хотелось бы останавливаться лишний раз. Но я подумал, может, у вас чем разживусь?

— Почему нет? — спокойно отозвался дед. — Что вам нужно?

— Я думаю...

Вэйр со все возрастающим недоумением следил за мирной беседой на берегу.

Как это? Почему молчит старик?! Неужели ничего не видит? Да что там старик! Эти три бугая за его спиной даже в ус не дуют, словно ослепли, оглохли и отупели в своей замшелой деревеньке! Или они принимают этого мерзавца за кого-то другого?! Хотя... староста же по имени его назвал... выходит, Кратт прикрывается торговыми делами?! И только поэтому все еще не оказался пойман?!

— Помогите... — вдруг едва слышно прошептал кто-то из невольников. — Помогите...

Даст встрепенулся, но староста снова не услышал.

— На помощь! — вдруг не выдержал один из пленников и порывисто вскочил с места,

громко зазвенев кандалами. — Помогите! Нас!..

Над головами рабов зловеще свистнул кнут, и несчастный упал, обливаясь кровью. Среди невольников возникло нешуточное волнение, вызванное запахом свободы и призраком полубезумной надежды. Кто-то вскочил следом за первым бедолагой, открыл рот, чтобы истошно завопить и уж точно переполошить всю деревню. Но Зег снова лениво взмахнул кнутом, и смельчак рухнул на палубу с громким воем.

Вэйр с надеждой уставился за борт, но, к его удивлению, мирная беседа не прервалась. Более того! Староста даже не посмотрел в сторону реки, а, задумчиво хмурия брови, пытался выторговать себе побольше прибыли. И трое мужиков рядом с ним не заозирались, выискивая источник нечеловеческого воя. Ни одна баба не встrepенулась. А детишки не прыснули испуганно вон.

Зато мимолетного взгляда от Угря пленники все же удостоились. И была в этом взгляде такая насмешка, столько презрения и неприкрытого злорадства, что Вэйр стремительно поднял голову и почти с ужасом обнаружил на мостике закутанную в длинный плащ долговязую фигуру мага: под низко надвинутым капюшоном не было видно лица, но острый подбородок беспрестанно шевелился, как если бы чародей нашептывал себе под нос какие-то скороговорки. А рядом стоял Зег и красноречиво ухмылялся: спокойно так, с полной уверенностью, что пленников не только не услышат, но и не увидят. Готовый с такой же легкостью снести голову любому из надоедливых смельчаков и ничуть не смущающийся присутствием посторонних.

Всевышний...

Юноша едва не застонал от внезапного прозрения: маг! Да как же он раньше не подумал! Зачем бы еще Кратту возить с собой мага, как не для того, чтобы тот прятал его судно от любопытных взглядов?!

Надо ж быть таким дураком! Староста наверняка видел перед собой не печально известную «Красотку», а какую-нибудь добропорядочную шхуну, груженную, как и заявлялось, лесом и напрочь лишенную каких бы то ни было пленников! Он и самих-то пленников наверняка принимал за сухие чушки! Иначе и бабы, и дети давно бы завизжали, а потом умчались прочь, разнося тревожную весть!

— Морочит, — тихо согласился Даст, проследив за взглядом Вэйра. — И наверное, не в первый раз, потому что они тут явно частенько бывают, а староста до сих пор не понял.

— Но как же... на его поиски наверняка ведь и магов отправляли! Неужели никто не почуял? Не понял? Не смог перебить эти чары?!

— Не знаю. Я не маг. Но, может, эта какая-то особая магия? Говорят же, что Кратт когда-то с эльфами стакнулся? Или, может, на свете есть кто-то еще, кто поделился с ним этой тайной?

— Эльфы не стали бы помогать такому мерзавцу! — горячо воскликнул Вэйр.

Но Даст лишь поджал губы и ничего не ответил, потому что ответить на это было просто нечего. Факты — упрямая вещь. А сейчас факт был в том, что их не замечали и даже не подозревали об их существовании. Более того, достигнув взаимопонимания с пиратом, староста со своими подручными неторопливо удалился, а довольный Кратт вернулся на судно. Многозначительно хмыкнул при виде одного трупа и беспамятного раба, на лице которого обильно кровоточила рваная рана, брезгливо обошел растекающуюся по палубе лужу и с невозмутимым видом поднялся на мостик.

— Цыц, твари, — рыкнул сквозь зубы Зег, спускаясь вниз и поигрывая любимым

кнутом. — Никто вас не увидит, так что можете не стараться. И до криков ваших никому не будет дела. Но следующему, рискнувшему завопить или замахать лапами, обрублю их по самые плечи. А потом заставлю самостоятельно выпрыгнуть за борт, чтоб вы сдохли там в окружении мух, тухлой рыбы и собственного дерьма. Понятно?

Вэйр до крови прикусил губу, стараясь не разразиться проклятиями. Кинул еще один взгляд на сосредоточенно бормочущего что-то мага. Осознал, что действительно влип, и с бессильной злостью сжал кулаки.

— Эй, меченый! — ухмыльнулся вдруг Зег. — Хочешь мне что-то сказать?

— Сиди, не дергайся, — процедил Даст, предупреждающе натянув цепь. — Не время еще.

Юноша заскрипел зубами и опустил голову, отчего пират довольно захохотал и для остротки щелкнул кнутом над головами пленников.

— Что, присмирел, щенок? — донеслось до юноши издевательское. — А если вот так?

Левую щеку ожгло, словно огнем. Вэйр дернулся, когда кончик острого лезвия прошелся по его старому шраму, тихо охнул и зажал рукой глубокий порез. Даже подумал, что сейчас щека отвалится, но нет — Зег орудовал кнутом мастерски и всего лишь поранил кожу, хотя мог бы и убить, и покалечить, и глаз выбить. И именно это сейчас красноречиво продемонстрировал вжавшим головы в плечи рабам.

Вэйр, не поднимая взгляда, утер кровь и снова пригнулся.

— Молодец, — удовлетворенно кивнул Зег, сворачивая кнут кольцом. — Запомните, твари: я достану любого, кто вздумает со мной шутить. И участь ваша будет...

Он брезгливо отпихнул от себя еще теплый труп.

— ...Такая же, как у этой падали, чья кровь сейчас пачкает мне сапоги. Усекли?

Ответом ему было гробовое молчание.

К полноценным занятиям Айра вернулась спустя две недели. Правда, господин Лоур считал, что даже это для нее слишком рано, но она так устала от безделья, что попросилась на волю сама. И была отпущена после страшной клятвы, что на практике будет очень осторожной. А если вдруг почувствует слабость, то немедленно вернется в лечебный корпус под опеку старого лекаря.

Айра торжественно пообещала. Тем более что, вопреки предписаниям мага, не раз и не два покидала свою постель, проводя ночи напролет в сонном кресле, а долгие вечера — вместе с говорливым, не меньше ее уставшим от одиночества Марсо.

Она бы и дольше там сидела, но, к сожалению, господин Лоур заходил по несколько раз за сутки, так что она остерегалась сбегать днем. Зато, как только получила разрешение уйти, сердечно поблагодарила заботливого мага и поспешила покинуть его чертоги, в которых почти всегда было угнетающе пусто, неестественно тихо и тоскливо, как в заброшенном склепе.

Надо сказать, расписание за время ее отсутствия ничуть не изменилось: та же Практическая магия по уграм, за ней — Естествознание или Основы заклинаний, затем — Травология и Целительство. А после перерыва — стихийная магия вперемежку с занятиями по боевой подготовке.

В общем, все как всегда. Включая нарочитую строгость господина Мергэ, ворчание лера ля Роже и громогласное ворчание госпожи дер Ваги... хотя, конечно, лер де Сигон ужасно удивился, когда в один прекрасный день в его класс снова вошло одиннадцать девушек, а не десять. И, разумеется, тут же нахмурился.

— Леди Айра?

Айра спокойно поднялась из-за парты.

— Вам не рано возвращаться к занятиям?

— Нет, лер. Господин Лоур разрешил.

— Гм... — на мгновение прикрыл веки маг. — Да, с вашей аурой, на первый взгляд, все в полном порядке. Вы чувствуете себя достаточно хорошо, чтобы продолжать учебу наравне со всеми?

— Да, лер, — кивнула девушка, а потом покосилась на скамью, куда уверенно запрыгнул Кер, и кашлянула. — Вот только... извините, но он не захотел оставаться один.

Мергэ де Сигон поджал губы, отметив, что молодой метаморф за последние дни заметно подрос. И, поскольку первый облик его вполне устраивал, сейчас напротив мага сидел здоровенный крысук с умными глазами и подозрительно крупными когтями, после которых на дереве оставались внушительные царапины. Более того, чародей отчетливо видел, что зверек окреп, стал уверенным в себе и в молодой хозяйке.

Маг перевел взгляд на ученицу, краем глаза подметив, как беспокойно дернулись ее ближайшие соседи, но вдруг понял, что в ней что-то изменилось.

Айра словно стала другой — какой-то спокойной, несуетливой и... безразличной? Видимо, слишком близко оказалась к краю. Слишком сильный сбой произошел в ее ауре. Причем сбой, причины которого ни один из преподавателей, включая магистериуса, не мог отыскать до сих пор.

Силясь понять причину столь резких перемен, лер Мергэ присмотрелся к девушке

повнимательнее и чуть не поперхнулся, обнаружив ровное мерцание невероятно мощного щита Овсея.

Как уж она смогла его создать, если сама только на ноги встала, где нашла в себе силы — непонятно, но щит действительно стоял, и маг был точно уверен, что нахрапом сквозь него уже не пробьется. Он, правда, подозревал, что тут не обошлось без участия метаморфа, но дело не только в нем. Кто-то помог ей создать столь мощную защиту, и имя этого помощника Мергэ очень хотел бы знать.

— С этого дня вы будете жить в нормальной комнате, — наконец произнес лер де Сигон, сделав вид, что не замечает крыса. — Места на этаже вполне достаточно. Можете выбрать любую.

— Не нужно, — вдруг качнула головой Айра. — Нас устраивает старая.

«Нас, — машинально отметил учитель. — Быстро же они сблизились!»

— Пожалуйста, позвольте мне остаться в своей комнате, — тихо попросила Айра, заметив, как он снова нахмурился. — Я к ней привыкла. Да и Керу будет неудобно.

«Скорее, остальным будет рядом с ним неудобно», — так же отстраненно подумал маг, но все-таки кивнул.

— Хорошо. Но бытовыми заклинаниями не пренебрегайте и сегодня же зайдите к госпоже Дидерии, чтобы она помогла вам с кроватью и с одеждой.

— Конечно, лер. Спасибо.

— И одеяло возьмите, — вздохнул он. — А еще лучше — два: у вас там довольно холодно, и мне бы не хотелось, чтобы вы снова оказались на больничной койке.

Айра, опустив взгляд, еще раз поблагодарила и не стала говорить, что за целый месяц едва ли пару раз ночевала в своей комнате. А забегала в жилое крыло лишь для того, чтобы привести себя в порядок. Все остальное время она проводила в гостях у Марсо, где было тепло и уютно и где стояло чудное кресло, много раз ее выручавшее. К тому же Кер уже давно начал ее подкармливать, принося из столовой всякие вкусности. А оранжерея мадам Матиссы разнообразила их общее меню свежими фруктами.

Именно поэтому Айра не хотела менять место жительства — вряд ли преподаватели пришли бы в восторг, если бы узнали, что Марсо безбожно нарушает закон. Да и книги в хранилище не были предназначены для чужих глаз, а она уже не первую неделю читала древние рукописи, о которых даже знать была не должна.

— Садитесь, — со вздохом согласился господин Мергэ. — Раз уж вы настаиваете, леди... но учтите: от опроса вас это не избавит.

Она только плечами пожала.

— Спрашивайте.

— С завтрашнего дня, — хмуро сообщил маг. — Вряд ли вы готовы сегодня. А я все-таки не монстр, чтобы отсылать вас с первого же урока с плохой оценкой. Садитесь.

Айра вернулась за парту, мудро промолчав о том, что курс Практической магии давно осилила и могла ответить на любой вопрос по теме из затертого до дыр учебника. Правда, тогда это вызвало бы ненужные вопросы и вполне закономерные подозрения, так что она просто приготовилась слушать давно известные факты. А Кер свернулся на парте клубком и, убедившись, что выгонять его никто не собирается, сладко задремал, положив мордочку на предплечье хозяйки.

— Ну, наконец-то! — с восторгом воскликнул лер ля Роже при виде сидящей на

обычном месте Айры. — Как себя чувствуете, леди? Голова не кружится? Не болит? Признаться, нам не хватало ваших блестящих ответов!

Девушка вежливо привстала и снова вернулась на место.

— Со мной все в порядке, лер. Спасибо.

— Чудесно! — широко улыбнулся преподаватель. — Надеюсь, недавнее происшествие не повлияет на ваш интерес к моим занятиям?

— Конечно нет, лер.

— В таком случае, не расскажете ли нам об особенностях жизненного цикла нияларских бабочек?

Айра кивнула.

— Какая популяция вас интересует: северная или южная?

— А вы можете назвать их отличия друг от друга?

— У южных бабочек цикл почти вдвое короче, — слабо улыбнулась девушка. — Поэтому они успевают произвести потомство не один раз, как северные, а трижды за лето. Кроме того, они гораздо крупнее, имеют более яркую окраску, очень восприимчивы к аромату цветущего игольника, а еще... они живут только на южных границах Занда. И лишь изредка встречаются в той части Редколесья, что расположена рядом с Внутренним морем.

Лер ля Роже странно кашлянул.

— Гхм... какой литературой вы пользовались для подготовки, леди?

— «Флора и фауна Охранных лесов», лер.

— Простите...

— Меня интересовал Занд, лер, — спокойно пояснила Айра. — А в библиотеке не так уж много книг, которые могли бы в этом помочь.

[Купить полную версию книги](#)